День командира дивизии

Александр Альфредович Бек

SHOUT
SHARE
IT

- Бек Александр Альфредович

Бек Александр Альфредович
День командира дивизии

Александр Альфредович БЕК
ДЕНЬ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ
Очерк
1

Первые дни ноябрьского наступления немцев на Москву, которое, как известно, началось шестнадцатого, я, военный корреспондент журнала "Знамя", провел в 78-й стрелковой дивизии.

К этому времени я уже не был новичком на фронте, много раз слушал рассказы участников войны, кое-что видел сам, но не подозревал, что люди могут драться так, как дрались красноармейцы 78-й. Там сражались, и не как-нибудь, а по всем правилам боевой выучки, не только строевики, но и ездовые, писаря, связисты, повара.

В эти дни я познакомился со многими людьми дивизии и провел несколько часов с ее командиром - полковником Белобородовым.

На войне люди сближаются быстро. На прощание полковник сказал: "Теперь будем друзьями". Он показался мне таким же необыкновенным, как и его дивизия, и, каюсь - я влюбился в него.

Спустя несколько дней, когда сводки сообщали об особенно ожесточенных боях у города Истры, который, противостоя трем дивизиям Гитлера, в том числе и танковой, обороняла дивизия Белобородова, я, уже вернувшись в Москву, прочел в газетах, что в награду за мужество и стойкость 78-я стрелковая дивизия переименована в 9-ю гвардейскую, что полковнику Белобородову присвоено звание генерал-майора.

Растроганный, я читал и улыбался: мне казалось, что это моя дивизия и мой генерал.

Утром 7 декабря я случайно узнал, что в дивизию только что повезли Гвардейское знамя, которое предполагалось вручить в этот же день с наступлением сумерек.

Не долго думая, я сел в метро и поехал к фронту. Поездки на фронт в эти дни не занимали много времени. На волоколамекое направление маршрут был таким: на метро до станции "Сокол"; там пересадка на автобус No 21, курсировавший до Красногорска. Оттуда до линии фронта оставалось двенадцать - пятнадцать километров.

К удивлению, я не сразу нашел 9-ю гвардейскую.

Грузовик, на который я пристроился, свернул близ станции Гучково в сторону, а я спрыгнул на шоссе.

К 7 декабря станция Гучково была последней на Ржевской железной дороге по нашу сторону фронта; дальше следовала станция Снегири, несколько дней назад взятая противником.

Чувствовалось, что фронт где-то рядом. Наша артиллерия стреляла откуда-то сзади; высоко над головой с нарастающим, а затем удаляющимся гулом пролетали наши снаряды в сторону противника; изредка и глухо доносились короткие очереди пулемета.

Дойдя до Гучкова, я вошел в первый попавшийся дом. В комнатах было полным-полно красноармейцев; они топили голландку и кухонную плиту; толстый слой наледи на окнах побелел и стал подтаивать; жилище было покинуто хозяевами. "Какой-то батальон на отдыхе", - подумал я и произнес:

- Здравствуйте. Девятая гвардейская?

- Нет.

- А где она?

- Мы сами тут ничего не знаем. Нынче прибыли. Новенькие.

- В боях бывали?

- Нет. Говорят тебе, новенькие.

В соседних домах я встретил то же самое: множество красноармейцев, только что прибывших, никогда не нюхавших боя. Никто из них не знал, где 9-я гвардейская.

Признаюсь, я был встревожен. Почему, зачем, каким образом эта часть сырая, необстрелянная - попала сюда, на Волоколамское шоссе, на прикрытие важнейшей магистральной дороги на Москву?

Я знал суровую правду войны; знал, что через две недели, через месяц такая часть приобретет стойкость и ударную силу, станет твердым боевым кулаком, но сегодня... Странно, очень странно.

И куда делась 9-я гвардейская?

2

На поиски ушло несколько часов.

Из Гучкова я направился поближе к Москве, в поселок Нахабино, и узнал там наконец, что штаб 9-й гвардейской расположен неподалеку в доме отдыха.

Смеркалось, когда я подходил туда. "Успеть бы до вручения знамени", думалось мне.

Близ ворот, ведущих на территорию дома отдыха, у меня проверили документы и дали провожатого, который довел меня до штаба. Часовой вызвал дежурного, тот доложил, и через минуту я уже стоял в жарко натопленной комнате.

У окна на столе высился потрепанный брезентовый ящик полевого телефона, на табурете сидел связист, рядом стоял, прижав к уху трубку, начальник штаба дивизии полковник Федюнькин.

Он узнал меня и, не прерывая разговора, приветственно помахал рукой.

Дверь из соседней комнаты открылась, оттуда вышел генерал Белобородов. Он, словно дома, был без пояса; добротная гимнастерка, на которую не пожалели сукна, при каждом шаге свободно колыхалась вокруг приземистой фигуры; на отворотах расстегнутого воротника еще не было генеральских звезд, там по-прежнему виднелись полковничьи четыре шпалы.

Расставшись две недели назад с Белобородовым, я много думал и иногда рассказывал о нем. Порой он непроизвольно вспоминался мне - в воображении ясно вставал его облик...

И все же сейчас, когда он вышел из соседней комнаты, первой моей мыслью было: "Какое удивительное лицо!"

В этом лице - широкоскулом, с небольшими круглыми глазами - было, несомненно, что-то бурятское, что совершенно не вязалось с чистым, сочным русским говором. Еще в первую встречу я спросил об этой странности. "Иркутская порода", - сказал Белобородов.

- Здравствуйте, Афанасий Павлантьевич. Разрешите...

Я хотел, поздоровавшись, поздравить его и дивизию, но Белобородов прервал на полуслове:

- Здравствуй! Уже знаешь?

Он пожал мне руку с каким-то особым оживлением.

- Что знаю? Насчет знамени?

Генерал расхохотался. Он любил смеяться громко, от души. Посмеивался и полковник Федюнькин. Почему-то улыбался и связист. Белобородов хохотал всего лишь несколько секунд. Потом резко, без перехода, перестал, словно отрезал.

- Вручение знамени отложено, - сказал он.

- Тогда почему же?.. Почему вы все здесь такие веселые?

- Обожди немного. Скоро будем с тобой чай пить, тогда и расскажу. А сейчас тут мои орлы собрались. Сейчас у меня горячие минутки.

Круто повернувшись, он ушел к себе.

"Какой быстрый", - мелькнуло у меня. Движения и жесты Белобородова казались слишком стремительными для его плотной фигуры.

Вслед за генералом ушел и полковник.

За ними закрылась дверь. Я остался у полевого телефона.

Дверь иногда раскрывалась, входили и выходили командиры, тогда до меня долетали отдельные слова и фразы.

Впрочем, и через закрытую дверь я порой слышал голос генерала: не только в гневе, в споре, но и в минуты радости он любил говорить громко.

До меня доносилось: "Заруби себе - глубже обходить!", "Тогда здесь вот они дрогнут!", "И гони, гони, - не слезай с хвоста!"

А у телефона меж тем происходило следующее.

Из комнаты, где генерал разговаривал с командиром, вышел майор Герасимов, начальник связи дивизии. Он вынул карманные часы, положил на стол, взял трубку и вызвал заместителя.

- Говорит Герасимов. Достаньте ваши часы. Есть? Поставьте девятнадцать двадцать две минуты. Есть? Произведите поверку часов во всех частях, чтобы везде часы были поставлены по вашим.

Майор вернулся к генералу.

Через несколько минут к телефону вышел полковник Федюнькин.

- Дайте "Кедр". Алексей? Как ты себя чувствуешь назавтра? Не плохо? Ты за что голосуешь - за шестерку или за девятку? Не понимаешь? Шестерка или девятка - вспомни. Понял? За шестерку? Хорошо. Дайте "Клен". Николай? Ну, как ты - за шестерку или за девятку? Шестерка? Хорошо. Завтра поможем тебе капустой. Это мы им учиним. Этим мы тебя обеспечим.

Полковник ушел.

Дежурный телефонист подмигнул мне и сказал:

- Все говорим под титлами... Капуста, картошка, огурцы. Всего завтра он у нас покушает.

Дверь из комнаты снова открылась, показались знакомые лица - командир одного из полков 9-й гвардейской подполковник Суханов и комиссар полка Кондратенко. Мы поздоровались. Суханов, как всегда, выглядел флегматичным и даже несколько вялым; он не изменился за две недели напряженных боев; лицо с рыжеватыми бровями казалось, как и раньше, слегка оплывшим. В Суханове не было ничего героического, а между тем я знал, какое поразительное хладнокровие и мужество проявляет этот человек в самые страшные моменты.

А Кондратенко похудел. Щеки втянулись, глаза ушли глубже, тени на лице стали темнее и резче. Его шея была небрежно обвязана изрядно загрязненным белым шарфом. Он сорвал голос и поздоровался со мной сиплым шепотом.

Полк Суханова и Кондратенко считался лучшим полком в дивизии, а в штабе мне довелось слышать: "Каков командир, каков комиссар - таков и полк".

В раскрытой двери показался Белобородов.

- Еще вам, орлы, один приказ - выспаться, - сказал он. - До обеда я, должно быть, вас не потревожу. И береги горло, Кондратенко.

- Доктор велел трое суток не сердиться, - улыбнувшись, прошептал Кондратенко.

- Ого, я бы эдакого великого поста не вынес. Но ты все же продержись. Пусть Суханов вместо тебя сердится! - И, рассмеявшись, генерал захлопнул дверь.

В закрытой комнате он продолжал с кем-то разговор.

Через десять - пятнадцать минут дверь снова открылась. Опять вышли двое: один высокий, сутуловатый, в папахе, в овчинном полушубке, с шашкой на боку; другой поплотнее, в шинели с красной звездой на рукаве. Обоих я видел первый раз.

Следом вышел генерал. Вместе с ним в дверях появился комиссар дивизии Бронников.

- Ну, Засмолин... - произнес Белобородов.

Командир в полушубке повернулся. Я увидел хмурое немолодое лицо с проступавшими кое-где красными склеротическими жилками. К генералу повернулся и другой. Он стоял дальше от лампы, я плохо его разглядел; осталось лишь общее впечатление крепко сбитой фигуры, твердой постановки головы и корпуса.

С минуту Белобородов молча смотрел Засмолину в глаза.

- Ну, Засмолин, - повторил он, - первый раз деремся вместе; дай бог, чтобы не последний. Помни, это приказ партии. Без доклада о выполнении задачи ко мне не приходи! Не приходи, понял?

Последние слова он сказал громко, повелительно, по-командирски.

- Знаю, товарищ генерал.

- Ну... идите...

Спутник Засмолина четко отдал честь, повернулся и вышел. За ним последовал Засмолин, по пути задев шашкой за косяк.

Генерал поморщился:

- Какого черта он таскает эту шашку? Кавалериста изображает, что ли? Посмотрим, нажмет ли он завтра по-кавалерийски.

- Комиссар у него, кажется, крепкий, - сказал Бронников. - Правда, опыта нет. Завтра первый раз будет в бою.

- Перворазники, - произнес Белобородов с теплой ноткой в голосе. Что ж, все такими были...

В этот момент он заметил меня.

- Из головы вон... Извините, дорогой, но сегодня некогда,

некогда, некогда. И завтра будет некогда! Мы сейчас тебя накормим, спать уложим, отдыхай, а послезавтра писать будем.

- Я хочу, Афанасий Павлантьевич, попросить вас о другом.

- О чем?

- Здесь у вас происходит что-то необыкновенное. Разрешите мне сегодня и завтра побыть с вами. И не обращайте на меня внимания, не тратьте на меня ни минуты времени, ничего не объясняйте - только куда вы, туда и я...

Генерал рассмеялся:

- Ого! Почувствовал? Что ж, если комиссар не возражает, ладно.

Бронников, уже знавший меня раньше, с улыбкой кивнул.

- Только чур, - сказал Белобородов, - не привирать. Писать правду.

- Это, Афанасий Павлантьевич, самое трудное на свете!

- А все-таки дерзай!

- Это от нас с тобой будет зависеть, - сказал Бронников. - Провалим операцию - и писать не о чем будет.

- Не провалим, - спокойно произнес Белобородов и пошел в комнату, жестом пригласив меня с собой.

Так случилось, что вечером 7 декабря 1941 года я оказался рядом с генералом, который командовал советскими войсками по обе стороны Волоколамского шоссе.

4

Стоит ли описывать комнату? В ней не было ничего экстраординарного. Две кровати; два окна, завешенные одеялами; в углу поблескивающий стеклом и никелем походный радиоприемник - из него звучала очень тихая, но отчетливая музыка; в другом углу знамя в чехле с лакированным новеньким древком - очевидно, Гвардейское, только что привезенное; у окна большой стол, на нем карта, исчерченная в середине красным карандашом; все освещение комнаты - две керосиновые лампы - было сосредоточено у карты; лампы стояли рядом, бросая свет на бледную сеть топографических значков, просеченных красными стрелами и дугами.

В комнате стояли и сидели пять-шесть штабных командиров.

Стараясь не мешать, я отошел в дальний темноватый угол.

Генерал оглянулся, посмотрел вокруг, очевидно намереваясь что-то мне сказать, но, мельком взглянув на карту, подошел к ней и, опираясь на стол обеими руками, склонил над ней круглую стриженую голову. Потом, не отрывая глаз от карты, опустился на стул и продолжал смотреть.

В комнате звучала музыка; кто-то вышел к телефону; Бронников негромко говорил с начальником штаба, а

Белобородов все смотрел и смотрел на карту, словно не замечая ничего вокруг. Его лицо было хорошо освещено. Я заметил, что иногда на несколько секунд он закрывал глаза, но это не были мгновения усталости: когда веки поднимались, глаза не были замутнены, взгляд оставался живым, сосредоточенным. Я понял: он закрывает глаза, чтобы яснее видеть.

Его отвлек дежурный:

- Товарищ генерал, пришли разведчики.

- Кто? Родионов? Давай его сейчас же.

Генерал вскочил и быстро пошел к двери, навстречу тому, кто должен был войти.

В комнату вошли два человека в белых штанах, белых рубахах, белых капюшонах, от них веяло морозом. У каждого на ремне за плечом ППД пулемет-пистолет Дегтярева.

Передний, очевидно старший по возрасту и званию, был живым, подвижным толстяком (впрочем, после я узнал, что он лишь казался толстым, ибо любил поосновательнее одеться в разведку). Он на ходу протирал пальцами очки в жестяной оправе. "Удивительно, - подумал я, - разведчик, и в очках". Но на войне много удивительного. У его спутника было желтовато-смуглое монгольское лицо. Он шел за Родионовым легким охотничьим шагом.

- Садись, орлы! - сказал Бедобородов. - Выкладывайте, где были.

Родионов присел и тотчас поднялся со стула. Другой вовсе не садился. Оба заговорили разом, потом младший смолк, но то и дело, не в силах сдержаться, перебивал Родионова.

- Мы их пугнули из Рождествено!

- Они, товарищ генерал, от нас бежали из Рождествено!

Разведчики явно ожидали, что генерал обрадуется, но Белобородов почему-то помрачнел.

- Из Рождествено? - переспросил он. - А ну, что у вас там было?

Из рассказа разведчиков выяснилось следующее. Они, действуя взводом в двадцать человек, подошли к окраинам Рождествено - большого села почти в сотню дворов. Четыре дня назад немцы атаковали село и вырвали этот пункт у нас. Гвардейцы Белобородова несколько раз ходили в контратаку, но немцы подбрасывали подкрепления - людей, минометы и танки; их не удалось оттуда выбить. И вдруг сегодня разведчики обнаружили, что это село почти очищено немцами. Оттуда никто не стрелял по разведчикам. Они подошли вплотную к домам. Заглянули в крайний дом - пусто. В следующем дверь была заминирована: прогремел взрыв. И вдруг из какого-то дома на

улицу выбежали пять немцев, среди них один офицер, и, беспорядочно стреляя, пустились наутек, к лесу.

- А вы? - спросил генерал.

- За ними! Мы разделились на две группы, чтобы окружить и взять живьем.

- Взяли?

- Не вышло. Утекли.

- А вы?

- Мы к вам - с докладом.

- Эх вы, чубуки... от дырявой трубки!

Это замечание было столь неожиданным, что у обоих сразу изменилось выражение лиц. Оба, только что оживленно жестикулировавшие, вытянули руки по швам.

- Значит, нет противника в Рождествено? Снялся и ушел? - спросил Белобородов. И, не ожидая ответа, крикнул: - Не верю! - Затем продолжал спокойнее: - У вас получается, как у Геббельса, - три немецких кавалериста захватили советскую подводную лодку. Два полка атаковали - не могли взять, а перед дюжиной разведчиков немцы побежали?

Вспышка гнева прошла. Теперь Белобородов хохотал, глядя на разведчиков. Родионов снял шапку и вытер платком лысину. Генерал резко оборвал смех:

- Эх, выстегать вас мокрой тряпкой...

- Мы вам, товарищ генерал, ни одного слова не соврали.

- А кто мне поручится, что вас не объегорили. Кто поручится, что над вами не хохотали там две или три роты немцев? Сколько раз я вам твердил, что война, тактика - это искусство! В частности, искусство объегорить.

- Ты уж на них слишком, - сказал Бронников, - ведь они принесли нам утром приказ Биттриха.

Бронников взял со стола и протянул мне два листа бумаги, исписанные на пишущей машинке. Это был русский перевод приказа по дивизии СС "Империя" от 4 декабря 1941 года, подписанного немецким генералом Биттрихом.

- А ну, поближе к свету, - сказал Белобородов. - Прочитай первый пункт вслух.

Я прочёл:

- "Дивизия СС "Империя" занимает линию Снегири - Рождествено, с тем чтобы продолжать наступление с главным ударом на правом фланге в направлении на Москву. Противник на фронте дивизии СС "Империя" занимает оборону с использованием опушек леса с целью не допустить вперед нашего тяжелого вооружения; далее он гнездится во всех населенных пунктах. Его солдаты умирают, но не оставляют своих позиций. В

связи с этим..."

Здесь Белобородов прервал меня.

- "Его солдаты умирают, но не оставляют своих позиций", - медленно повторил он. Его голос дрогнул, он моргнул и продолжал не сразу: - Это про нас, Родионыч! Вот за этот приказ - спасибо!

Разведчики ответили:

- Служим Советскому Союзу!

Генерал оглянулся и показал на знамя:

- А ну, покажите-ка им...

Кто-то быстро снял чехол и развернул огненное шелковое полотнище. На знамени была крупная золотая надпись: "Смерть немецким захватчикам! 9-я гвардейская стрелковая дивизия". На обороте нитями разных цветов был вышит портрет Ленина.

- Как скоро успели сшить! - восхищенно сказал Родионов.

Белобородов, не оборачиваясь, ответил:

- Заслужить долго, а сшить недолго.

Он с минуту молча любовался знаменем, потом повернулся и совсем иным, командирским тоном произнес:

- Ну, еще что видели?

Разведчики продолжали доклад. Генерал настойчиво расспрашивал обо всем, что они заметили в лесу, - о тропинках, о телефонных проводах, о следах на дорогах и на целине. Я тем временем просматривал приказ. Там в качестве ближайшей цели наступления была указана речка Нахабинка, станция Нахабино и... дом отдыха, в котором мы сидели. Но у этих пунктов было покончено с ноябрьским наступлением немцев. Линия Снегири - Рождествено была последним рубежом, куда они продвинулись.

В приказе содержалась полная дислокация немецких частей, развернутых для наступления: указывались точки сосредоточения полков, танковых частей, артиллерии, минометов. Это был ценнейший документ. Я тихо сказал Бронникову о своем впечатлении, кладя листки на стол.

Но Белобородов услышал.

- За три дня на нем бороденка выросла! - сказал он. - Вот за сегодняшний приказ господина Биттриха я бы дорого дал! "Языка" надо, Родионыч! Чтобы завтра у меня здесь был "язык" до голенища, понял?

И он продолжал негромко беседовать с разведчиками, наклоняясь вместе с ними над картой.

Я сидел у радио, мне несколько мешала музыка, и я улавливал лишь отдельные фразы:

- Исследуйте все справа... Каждую тропку, каждую полянку... Чтобы все там знать, как свою квартиру...

- Мы там уже бывали...

- Завтра еще раз... До самой Трухаловки... Но самое главное - лес...

- Проскользнем...

- И других чтобы могли незаметно провести... Как начнутся сумерки ко мне! Задача понятна?

- Понятна, товарищ генерал.

Разведчики ушли.

Генерал продолжал рассматривать карту.

Адъютант попросил разрешения подать ужин.

- Не худо, - сказал Белобородов.

Он встряхнул головой и обеими руками отодвинул карту, словно отстраняя вместе с этим неотвязные мысли.

Ужин подали в один момент: Болобородов любил, чтобы все делалось быстро. Он налил каждому по полстакана водки.

- За что чокнемся? - спросил он и, не ожидая ответа, продолжил: - За то, чтобы завтра чай пить в Снегирях.

Все чокнулись и выпили. Генерал взглянул на знамя, уже опять скрытое чехлом.

- Эх, знамя, красота! - произнес он. - Заслужили гвардейскую, теперь будем зарабатывать орденоносную.

- Нечасто бывало, - сказал Бронников, - когда награждали знаменем за отступление.

За столом заговорили об эпизодах этого героического отступления, о незабываемых "сдерживающих боях", которые вела дивизия под Москвой.

За двадцать дней генерального наступления немцев на Москву дивизия отдала врагу сорок километров Волоколамского шоссе - отдала, ни разу не отходя без приказа, уничтожая атакующих немцев, отбивая артиллерией, противотанковыми ружьями, зажигательными бутылками удары танковых колонн, переходя в контратаки, уступая километры, но выигрывая дни, приближая неотвратимый час, когда противник выдохнется, когда в крепнущих морозах, нарастающих снегах иссякнет его наступательный порыв.

- А сколько бессонных ночей, сколько переживаний! - сказал Белобородов. - Ведь за спиной - Москва! Иногда чувствовал такую тяжесть, будто она на плечи навалилась.

- А теперь?

- Теперь легче. Теперь - шапка набекрень... Завтра... Ты знаешь, что будет завтра?

- Пока только догадываюсь...

- Завтра с утра общее наступление на всем Западном фронте!

- Общая контратака?

- Нет, это уже атака! Эх, дорогой, как ждали мы этого дня!

Поужинав, генерал продолжал работать по подготовке завтрашней атаки.

К нему пришли танкисты, которым предстояло завтра действовать совместно с одним из полков дивизии в паправлении на Снегири и дальше.

Прощаясь после разговора, пожимая танкистам руки, Белобородов сказал:

- Хорошо бы нам всем встретиться, когда кончится война. Наверное, ночь маленькой покажется - все будем вспоминать про Волоколамское шоссе.

Затем он долго говорил с начартом (начальником артиллерии дивизии) майором Погореловым, намечая позиции для минометов, для тяжелых и легких батарей, выясняя наличие боеприпасов.

В разговоре часто фигурировало слово "бык". Время от времени я слышал: "полтора быка", "три четверти быка", "два с половиной быка".

"Бык" - своеобразное видоизменение принятого в армии сокращенного названия "бе-ка", что значит боевой комплект.

Беседуя с начартом, генерал несколько раз довольно смеялся: "быков" было предостаточно, орудия всех калибров располагали ими назавтра вволю, многие - буквально без ограничения.

Для завтрашнего наступления Белобородову сверх двух артполков его дивизии дополнительно придали много артиллерии. Оставалось лишь расставить и использовать ее наиболее эффективно. Над этим и работал генерал с начартом.

Особенно настойчиво генерал говорил о минометах:

- Я от тебя требую, чтобы минометы всю артиллерию заглушали. Завтра я послушаю. Всю душу вымотай им минами!

Наконец Погорелов встал.

Отпустив начарта, Белобородов произнес:

- На войне все не так, как в академии. Там мы и не представляли, что дивизия может иметь такое насыщение артиллерией. Если бы какой-нибудь профессор дал бы задачу с таким насыщением, наверное, подумали бы, что он шутит.

Начальник штаба принес на подпись приказ о завтрашней операции.

Предстояло окончательно решить: шестерка или девятка? В шесть или в девять утра начать атаку?

Белобородов колебался: и за ту и за другую цифру были свои доводы. В шесть утра темно: возможна внезапность нападения, противник не сумеет вести прицельного огня. Но в темноте могут свои части перемешаться, могут сбиться с направления, будут

скрыты артиллерия противника и его огневые точки, которые предстояло подавить.

- Все наши хозяева голосуют за шестерку, - сообщил полковник Федюнькин.

- И начнут не в шесть, а обязательно в шесть с гаком, - сказал генерал. - Позвони-ка еще раз, спроси, смогут ли они без гака.

Полковник вышел, а Белобородов опять стал рассматривать карту. Он молча просидел над ней, пока не вернулся Федюнькин.

- Ну что? Со всеми говорил?

- Со всеми. Все обещают: без гака.

- Тогда решаем: в шесть!

Он взял еще не подписанный приказ, на одной из первых строк поставил красным карандашом цифру "6" и внимательно прочел до конца.

Подписав,он произнес:

- Содес!

- Что это "содес"? - спросил я.

- Это по-японски: да, так! Ведь я три года в академии японские иероглифы зубрил... Еще, может быть, пригодится... Ну, звони, Федюнькин: бить шестеркой!

Полковник повернулся, но Белобородов остановил его:

- И передай, чтобы людей утром посолидней накормили! Побольше мяса заложить в котлы - по четыреста граммов на человека.

Полковник ушел к телефону.

Заложив руки за голову, генерал потянулся и сказал:

- Кажется, все. Что ж, комиссар, давай на боковую!

Но Бронников ответил:

- Нет, Афанасий Павлантьевич, я сейчас поеду.

- Куда?

- По полкам. Посмотрю на месте, как народ готовится.

- Не худо. К утру вернешься?

- Вряд ли.

- Тогда жду к обеду.

- Это верней...

Беглый короткий диалог, ровный повседневный тон. Но я знаю, что за этим скрыто многое. Знаю, что утром комиссару дивизии Бронникову придется, быть может, где-нибудь личным примером показать бойцам, что значит бесстрашие. Знаю, что из Истры он уходил с последней ротой, отстреливаясь от немцев. Знаю, что под Сафонихой он взял на себя командование окруженным, потерявшим командира батальоном и во главе гвардейцев с боем пробился из кольца.

Конечно, известно все это и Белобородову. Но генерал и

комиссар не произносят лишних слов. Но все чувства проступают наружу; нежность лишь на миг, быть может, промелькнет во взгляде, в твердом мужском рукопожатии. А нередко обходится даже и без этого.

Бронников приказывает приготовить машину, одевается, уходит.

Белобородов ложится не раздеваясь, накрывается шинелью.

Я устраиваюсь рядом на полу. Генерал поворачивается на бок, кровать трещит под его телом.

- Спать, правда, не спится, - произносит он, - но хоть ухо немного подавить перед завтрашним. А завтра... Сколько сейчас времени?

- Без двадцати два...

- Значит, уже сегодня... Что пожнем сегодня? - И, помолчав, отвечает сам: - Что посеяли, то и пожнем.

Я закрываю глаза; тихо; слышатся редкие выстрелы тяжелых орудий.

И мне вдруг кажется, что я жадно читаю необыкновенно захватывающую книгу, читаю ее не на бумажных страницах, а в самой жизни, которая развертывается передо мной, которая и есть самое необыкновенное, что было когда-нибудь на свете. И страшно хочется заглянуть вперед, но книга не напечатана на бумажных страницах, заглянуть нельзя.

5

Сквозь сон слышу движение в комнате. Открываю глаза. Белобородов уже на ногах. Достаю из кармана часы - четыре тридцать пять. Вскакиваю, выхожу на воздух.

Чудесная мягкая погода. Падают крупные хлопья снега. Трубы над домом отдыха дымят; невысоко поднявшись, дым медленно расползается и тает: его не треплет, не колышет ветер. Небо закрыто облаками, а вокруг все-таки полусвет: чувствуется, что там, над застлавшей небо пеленой, катится полная луна. Облака просвечивают, как матовый абажур.

На крыльцо быстро выходит генерал, без шапки, в неподпоясанной широкой гимнастерке. Зачерпывая обеими ладонями снег, обтирает лицо, голову и шею. Потом ему льют на руки: он, пофыркивая, умывается и бегом возвращается в дом.

Хочется запомнить, засечь в памяти все, что я увижу в этот день, который - твердо знаю! - войдет в историю великой войны.

Вот они - страницы моих блокнотов, записи 8 декабря 1941 года. Я просматриваю лист за листом, восстанавливаю смысл каждого недописанного слова и вспоминаю минуту за минутой.

4 часа 50 минут. В штабе все поднялись. На столе самовар, хлеб, масло, колбаса. Закусывают быстро, некоторые даже не

присаживаются. Многие надевают шинели; оперативная группа во главе с генералом сейчас уезжает отсюда в другой пункт - ближе к линии боя.

5.00. Садимся в штабной автобус. С Белобородовым едут начальник оперативной части, начарт, начальник связи. Полковник Федюнькин и ряд штабных офицеров остаются здесь.

5.05. Тронулись. Медленно двигаемся к Волоколамскому шоссе по проселочной дороге, укрытой голубоватым снегом. Обгоняем какую-то часть. Сторонясь автобуса, идут бойцы с винтовками в запорошенных снегом шинелях. Ого, как их много! Они шагают и шагают, а голову колонны нельзя различить в рассеянном свете бледного облачного неба.

Открывается дверца автобуса, красноармейцев спрашивают:

- Какая часть?

- А тебе что?

Кто-то высказывает вслух мысль, тревожащую всех:

- Неужели бригада Засмолина? Ведь она в пять ноль-ноль должна занять исходную позицию.

Пробираясь меж бойцов, жмущихся к обочинам, автобус едва ползет. Белобородов соскакивает с подножки и, обгоняя машину, нетерпеливо идет вперед. Через несколько минут он возвращается и говорит:

- Свежая дивизия... Резерв командующего армией...

5.25. Все еще двигаемся. Проехали станцию Гучково. Водонапорная башня взорвана, станционные здания сожжены - из снега торчат высокие печные трубы.

Фронт близко; полки уже сосредоточились для наступления где-то на опушках, через полчаса начнется огневой налет, а еще десять минут спустя атака; все загрохочет, задрожит вокруг; но пока на земле и в небе тишина. Бесшумно падает снег.

5.40. Прибыли. Автобус останавливается около одноэтажного широкого здания. Уходит вдаль широкая по-дачному улица и теряется в бледной полумгле. Это поселок Дедовский около станции Гучково.

В доме, куда входят штабные командиры, раньше помещался местный кооператив.

Поглядывая на каменные стены, генерал говорит:

- Тут нам их минометы не страшны...

- А разве сюда мины будут долетать?

- Обязательно. Эта музыка нам положена по штату.

Он подходит к дому и по пути одобрительно произносит:

- Ого, и подвал уже оборудовали.

Я присматриваюсь, подхожу к подвальному окну и вижу, что оттуда выглядывает дуло пулемета. Черт возьми! Неужели эта

штука может тут понадобиться? Вот так обитель генерала.

Входим внутрь. Покинутый, застывший дом. Топятся все печи, но люди не снимают шинелей, изо рта идет пар. Промерзшие стены начали отпотевать; сквозь штукатурку проступил темный рисунок дранки; снизу поползли темные пятна сырости.

В магазине - пустые полки и прилавки. Жилая половина дома тоже покинута. Окна плотно зашторены прочной светонепроницаемой бумагой. На подоконнике лежит сломанная кукла.

Для оперативной группы приспособлены две комнаты в жилой половине. Маленькая - для генерала. Там полевой телефон, у телефона дежурный связист.

Рядом, в большой комнате, еще два телефона. Один предназначен только для артиллеристов, от него идут провода во все артполки и дивизионы белобородовской группы.

У другого телефона устраивается подполковник Витевский. Он не похож на военного: добротное командирское обмундирование сидит на нем мешковато; он не умеет прикрикнуть; у него застенчивая, мягкая улыбка; он умница и работяга. Его обязанность - постоянно связываться с частями, ведущими бой; непрерывно следить за ходом операций; немедленно наносить на карту все изменения обстановки. В любую минуту он обязан дать комдиву моментальный снимок боя.

У начальника связи майора Герасимова довольная улыбка. К приезду генерала у него все готово; в сарае установлена рация; в подвале подготовлены на всякий случай дублирующие аппараты.

- Как связь с Засмолиным?

Таков был первый вопрос, с которым Белобородов обратился к Герасимову.

- Работает.

- А с его полками?

- Пока прямой связи нет. Только через штаб бригады.

- Установить прямую.

- Есть, товарищ генерал.

5.50. Белобородов звонит Засмолину:

- Здравствуй! Говорит семьдесят шесть. Как твои, исходное положение заняли? Что? Ты отвечай, заняли или не заняли? Я вижу, ты сам не знаешь. Ты где сидишь? Далековато, друг, далековато. Устроился, словно штаб корпуса. Я маркой выше тебя, а сижу поближе. Сократи дистанцию, передвинься. Связь? А пусть за тобой провод тянут.

Генерал кладет трубку. Широкоскулое лицо задумчиво.

5.59. Через минуту заговорит артиллерия - начнется огневой налет на Снегири. В комнате тихо, разговоры оборвались, все прислушиваются. Майор Герасимов вынул часы.

6.00. По-прежнему тихо. Ни одного выстрела.

6.05. Тихо.

6.06. Тихо.

6.07. Тихо... Белобородов сидит с закрытыми глазами. Герасимов нарушает молчание.

- Уже семь минут седьмого, - говорит он. - Вызвать начарта, товарищ генерал?

- Не надо. Они сами чувствуют. У них сейчас самая запарка. Нагоняем теперь им не поможешь.

6.08. Залп... Еще один... Близко и далеко заговорила артиллерия. Слышно, как гудят снаряды, пролетающие над домами. Доносятся разрывы. Но в общем впечатление слабее, чем ожидалось в минуты тишины. Не содрогается дом, не дребезжат стекла, не надо повышать голоса при разговоре. Я делюсь с генералом впечатлениями.

- Такая погода, - говорит он. - Нет резкости звука.

6.20. Прошло всего несколько минут, а канонада стала привычной. Ее уже не замечаешь.

Белобородов звонит в гвардейские полки. Впрочем, здесь не вполне годится слово "звонит", вместо звонка в полевом телефонном аппарате раздаются резкие гудки высокого тона, несколько похожие на писк, и телефонисты вместо "звонить" употребляют выражение "зуммерить" - от слова "зуммер".

Генерал жалуется:

- Ухо болит от трубки. Скоро она проест мне дыру в барабанной перепонке.

Он ждет, пока к телефону подойдет командир полка.

- Алексей? Узнаешь, кто говорит? Ты на место? Как Погорелов работает? Пашет, кажется, неплохо. Трещотки получил? Хороши? А как слева, сосед прибыл? Связь с ним установил? Людей накормил? Разведочка не пробегала туда? Ну, ну, что выловили? Докладывай... Так, так... Начинай, Алексей, время! Только так, как мы вчера договорились. Обход, обход, обход!

6.30. Белобородов вызывает к телефону командира другого гвардейского полка:

- Николай, здравствуй.

Генерал называет командиров полков по именам. Это шифр, имена являются условными названиями частей, и во всех телефонных разговорах в этот день говорят не о полках, а об Алексее, Николае, Михаиле.

Нередко он обращается к подчиненным на "ты", но порой, переходя на "вы", резким командирским тоном отдает приказание.

- Как дела?.. С лаптями у тебя все в порядке? (Лаптями в этот день в разговорах по телефону назывались танки.) Тогда в чем дело? Почему задерживаетесь? Давайте - время, время, время! Разведка принесла какие-нибудь данные? Что? Как будто? Меня "как будто" но устраивает. Не нравится мне это: задачу не ставишь своей разведке. Люди как? Поели, чайку попили? С батальонами связь есть? Ну, давай, Николай, двигай!

6.35. Белобородов вызывает штаб бригады. Но после первых же слов связь прерывается. Генерал обращается к Герасимову:

- Выясните, что такое?

Через минуту тот докладывает:

- Со штабом бригады связи нет. Порыв. Люди вышли исправлять.

6.45. Белобородов выходит на крыльцо и слушает пальбу. Еще не рассветает. Отовсюду появляются, и мгновенно гаснут, и снова появляются белые, словно магниевые, вспышки орудийных выстрелов. Одна батарея где-то совсем близко: кажется, будто над самым ухом кто-то огромным молотом ударяет по железу.

6.55. Возвратившись в дом, генерал вызывает к телефону Погорелова:

- Здравствуй. Твои минометы что-то помалкивают. Работают? Что-то не слышно... А ты сделай так, чтобы мне слышно было. Понял? Используй их на полный ход, чтобы они все на свете заглушили.

Положив трубку, Белобородов говорит:

- Пошли... Тысячи пошли...

7.15. Минуты напряженного бездействия. Надо подождать с полчаса, пока поступят первые сообщения.

Генерал молчит, потом нетерпеливо спрашивает:

- Как связь с бригадой? Восстановлена?

- Еще нет, товарищ генерал.

Белобородов молча ходит. В комнате холодно и сыро, но он расстегивает шинель. Ему тягостны эти минуты, когда не на что истратить накал, когда надо ходить и ждать.

Пользуясь моментом, я прошу генерала объяснить план операции. Он принимается за это с удовольствием, показывает на карте обстановку, чертит свой замысел в моем блокноте.

Перед тем как описать этот чертеж, или, вернее, набросок, необходимо сделать примечание. В дивизии три полка; будем именовать их просто первый, второй, третий. Стрелковая бригада, приданная 9-й гвардейской для нынешней операции, имеет в

своем составе два полка. Будем условно называть их: сто первый, сто второй.

Теперь посмотрим, что Белобородов начертил в моем блокноте. В направлении на северо-запад пролегает Волоколамское шоссе. У шоссе сосредоточены основные силы немцев. Здесь они будут держаться упорнее всего. Здесь их опорный пункт - Снегири. Задача двух гвардейских полков овладеть сегодня Снегирями. (Впрочем, в армии, во избежание какой-либо путаницы, географические названия не склоняются. Там говорят и пишут так: "Овладеть сегодня "Снегири".)

- Видите, справа две стрелы? - говорит Белобородов. - Задача обойти, окружить и уничтожить.

Удар по селу Рождествено - вспомогательный. Здесь задача - сковать противника, оттянуть сюда часть его сил, а при удаче немедленно двигаться вперед, к селам Жевнево и Трухаловка, выходя во фланг и в тыл основной группировке противника.

- На войне, - объясняет генерал, - нередко случается, что вспомогательный удар вдруг становится главным... Бывает и так, что не удаются оба. Тогда...

- Что тогда?.. - спрашиваю я.

Не отвечая, Белобородов рассматривает свой набросок. Потом говорит:

- Вот поэтому и не спишь всю ночь, ворочаешься с боку на бок, думаешь... - Генерал стучит пальцами по рисунку. - Если так сложится - чем парировать? Если этак выйдет - куда ударить? А если получится такой-то вариант - что предпринимать?

- Неужели вы так всю ночь и не уснули?

- Всю. С полтретьего немцы стали бить по нашему дому отдыха из дальнобойных. Слышали?

- Нет, я спал.

- А я думал и считал. Насчитал четырнадцать снарядов... - И, улыбаясь, Белобородов вдруг идет к двери и кричит: - Бражниченко!

Тотчас входит старший лейтенант, артиллерист.

Генерал спрашивает:

- Сколько немцы выпустили по дому отдыха тяжелых?

- Четырнадцать, товарищ генерал.

- Хорошо, иди...

Белобородов смеется, возвращаясь к столу.

- Вот так и ходишь, как влюбленный... Все об одном и том же, об одном и том же.

Он смотрит на рисунок и становится серьезным.

- Черт его знает, сколько у него сил в Рождествено? Вчера Родионыч пробежал здесь - помнишь? - а надо бы порыться

основательно. Но, сколько бы их ни было, и здесь задача - окружить и уничтожить!

Он говорил с увлечением, глаза блестят, лицо то хмурится на миг, то снова проясняется.

Объясняя, он жестикулирует обеими руками.

- Окружить и уничтожить! - с силой повторяет он.

И быстрыми энергичными жестами показывает, как это сделать.

Я рассматриваю чертеж и вдруг замечаю, что в нем чего-то не хватает.

- Позвольте. А где же третий полк? - спрашиваю я.

- Сухановский? По приказу спит. - И, подмигнув, Белобородов объясняет: - У них подъем сегодня в восемь. Это мой резерв. Камень у меня за пазухой.

7.55. Входит Герасимов.

- Товарищ генерал, есть прямая связь со сто вторым.

- А со сто первым?

- Через десять минут будет.

- Хорошо. Соедини-ка меня со сто вторым... Говорит семьдесят шесть. Не знаешь - кто семьдесят шесть? А ты, милый друг, не поленись - возьми бумажку и найди. Нашел? Как ваши дела? Подходите к Рождествено? Добре... С соседом слева связь имеете? Со своей сестричкой? Нет? Немедленно этим озаботьтесь... Сильно бьете, слышу... Ну, бейте, бейте...

8.00. Прибыл представитель штаба армии капитан Токарев. К Белобородову у него нет никаких пакетов, никаких устных поручений. Он прислан для связи - посмотреть, что делается на волоколамском направлении, и к концу дня вернуться, доложить лично командующему армией о ходе операции.

Он садится рядом со мной на голые железные прутья кровати и рассказывает последние новости подмосковного фронта.

На фланге вчера нанесен удар, которого не выдержал противник. Несколькими колоннами он откатывается к городу Клин, прикрываясь частями СС. Наш натиск поддержан армиями Калининского фронта, они вчера врезались в немецкое расположение с севера; теперь нужен одновременный удар на всех подмосковных шоссе - на Ленинградском, Можайском, Малоярославецком - и немцы побегут.

- Если такие новости, - говорит Белобородов, - то "побегут" - это полдела. Окружить и уничтожить - вот за это скажут нам спасибо.

8.10. Восстановлена связь со штабом бригады. Белобородов берет трубку:

- Засмолин? Перебрался? Еще только собираешься?

Поспешай, поспешай... Со сто вторым я говорил... Подходят, знаю. Как противник? Сопротивления нет? Так чего ж вы ожидаете? Ждешь сто первого? А что с ним? Запоздали? Вот орлы, первый раз - и запоздали... Если нет сопротивления - занимай, занимай! И сразу дальше! И подгоняй сто первый - пусть бегом наверстывают. Бегом, понял? Пробежка им не помешает, пусть другой раз не опаздывают.

8.15. От гвардейских полков, действующих в районе Снегири, сведения еще не поступали. Однако даже в комнате слышно, как усилился там артиллерийский и минометный огонь.

Герасимов докладывает, что с обоими полками потеряна телефонная связь, - вероятно, провода порваны взрывами немецких мин.

Белобородов приказывает:

- Дать им радиограмму: "Сообщите обстановку". И быстрей, быстрей восстанавливайте провод!

8.25. Приносят ответ, принятый по радио. Генерал читает вслух.

Два батальона первого полка ворвались в поселок. Противник оказывает сильное сопротивление. Из школы бьют минометы, пулеметы, автоматчики. В полку есть убитые и раненые. Полковая артиллерия бьет по школе.

Второй полк обтекает Снегири и приближается к перекрестку дорог. Но и ему препятствует огонь из школы. Его артиллерия тоже бьет по школе, а пехота перебежками передвигается вперед.

Известия неплохие, но Белобородов как будто не рад.

- Эх, скорее бы Снегири, Снегири... - говорит он.

8.35. Генерал опять вызывает Засмолина.

- Ну как, заняли? Усиленно продвигаетесь? - Белобородов хохочет, но, оборвав смех, снова становится резким. - Хороши, за два часа усиленно продвинулись на один километр. На подступах? Какие там к черту подступы? Это тебе что - линия Маннергейма? Да и линию Маннергейма быстрее прорывали, чем вы тут возитесь! Сто первый подошел? Тогда какого же черта? Сейчас же занимайте, пока противник бросает все на Снегири! Пользуйтесь слабиной, понял? Даю тебе сроку тридцать минут! Через тридцать минут занять Рождествено! И доложишь мне об этом! Понял?!

8.50. Сообщение из штаба бригады: сто первый полк с криками "ура" ворвался на южную окраину Рождествено.

Генерал доволен.

- Эх, скорей бы Снегири, Снегири, - повторяет он. - Когда возьмем Снегири, всхрапну часик...

И вдруг...

8.55. Не докончив фразы, Белобородов вскидывает голову и настораживается. Подходит к окну, закрывает глаза. Слушает.

Теперь и я улавливаю, что где-то строчат пулеметы.

- Это в Рождествено, - говорит генерал. - Вот тебе и нет сопротивления.

9.00. Белобородов выходит на крыльцо.

На улице белое утро: после керосиновой лампы дневной свет в первый миг ослепляет; погода по-прежнему мягкая; крупными хлопьями медленно падает снег; небо сплошь закрыто облаками; облака не мрачные, не темные, быть может, их снизу освещает отблеск снега. Погода, что называется, нелетная; в сегодняшнем бою не принимает участия авиация - ни наша, ни противника.

С разных точек, близких и дальних, стреляет артиллерия. Но белых вспышек уже нет - их видно только ночью. От гулких орудийных выстрелов можно отличить частые, но едва слышные хлопки. Это звуки минометного огня. Они идут справа - оттуда, где станция Снегири. Там уже что-то горит: с нашего крыльца виден красноватый дым, над которым то взовьется, то исчезнет пламя.

Но в другом направлении, по левую руку, бой слышен явственнее. Минометы работают и там, но сейчас все звуки отступают перед интенсивной стрельбой пулеметов. Они строчат и строчат, "квакают", как говорят в армии.

Сколько их? Двадцать? Тридцать?

Ого, сильнее! Пулеметная стрельба словно разливается по горизонту. Я знаю: каждый пулемет время от времени смолкает, в эту минуту его заряжают вновь, но отдельных перерывов нельзя различить. Стрельба кажется лентой, раскинутой где-то на снегу, лентой, которая то развертывается, то укорачивается, которая все время изгибается.

- Это в Рождествено, - повторяет Белобородов. - Строчат наши и немецкие...

Он слушает еще и определяет:

- Превосходство нашего огня... Бьют, должно быть, с толком и без толку. Но хорошо, что у нас тут побольше автоматического оружия, чем у них.

Я спрашиваю:

- Далеко отсюда до Рождествено?

- Два километра.

- А до Снегирей?

- Три с половиной.

9.10. Вернулись в комнату. Белобородов вызывает штаб бригады.

- Засмолин? Что у тебя там? Сопротивление? Сам слышу. Где? Какие силы? Из-под домов? Подавляй артиллерией, подавляй. Из церкви? Окружи! Держи огнем, чтобы ни один подлец не выскочил. Пусть одно хозяйство с ними расправляется, а другое сейчас же отправляется дальше! Перехватывай дорогу и на Жевнево! Ты все еще на старом месте? Переехал? Хорошо... И двигай, двигай! Вперед. Понял?!

9.20. Восстановлена телефонная связь с гвардейскими полками. Генерал вызывает командира первого полка.

- Николай? Чем хвастаться можешь?.. Вот черт возьми... А на перекресток скоро выйдешь?.. Вот черт-те... Что ты жмешься к этой школе? Глубже в лес, глубже обходи! Что? Вот черт-те... Что же твой Ивашкин смотрит? Требуй, чтобы он долбил, долбил, чтобы все перед собой накрывал огнем! Пусть его самоварные трубы докрасна раскаляются. Может, нужна помощь артиллерией? Своей хватит? А все-таки помогу! Только скорей, скорей выходи на перекресток.

- Что там у него? - спрашивает капитан из штаба армии.

- Потери от минометного огня... Он обходит, но... Какого черта он жмется к этим Снегирям?!

9.30. Белобородов разговаривает с командиром второго полка.

- Что у вас, товарищи дорогие? Это плохо. Что вы топчетесь около этой школы? Один справа, другой слева, и все на одном месте... Держи ее под огнем, чтобы оттуда носу никто не показал, а сам дальше, дальше. Что? Кое-что замыслил? С танкистами? Ну, давай, давай, проводи свой план. Инициативу ломать не буду.. Хорошо, поглядим, что там у вас получится.

9.35. Генерал вызывает начарта.

- Дай сильный огонь по школе! Все там расковыряй! Вот сукины сыны, почти окружены, а держатся.

9.40. Белобородов разговаривает со штабом сто второго:

- Что у вас? Докладывайте. Хорошо? Что хорошо? Совхоз заняли? Нет? На дорогу вышли? Нет? Что же тогда хорошего? Хорошо, что огонь из совхоза слабый? Тогда что же вы зеваете? Бегом! В штыки! Быстрее занимайте! Пользуйтесь тем, что противник скован в Снегири! И дальше! Усилить темп движения!

9.45. Я выхожу на улицу. Пулеметная стрельба в Рождествено не утихает. Наоборот, она как будто стала еще интенсивнее.

9.55. Сообщение от сто второго.

Пересекли дорогу Рождествено - Снегири. Заняли совхоз, выбив оттуда группу автоматчиков. Немцы бегут. Захвачены пленные и автомашина. Полк продолжает двигаться на Жевнево.

Генерал доволен:

- Бегут... три вшивых автоматчика. Но молодец, молодец, двигается. Передайте - пленных пусть сюда доставят.

Он смотрит на часы и хмурится:

- Черт возьми, десять. Мало сделано! Власов, как там с завтраком? Давай-давай, быстренько!

10.05. Завтракаем.

Входит подполковник Витевский.

- Товарищ генерал, штаб бригады просит помощи.

- Какой помощи? Куда?

- Просит помочь артиллерией в Рождествено.

- А что там у них?

- Не могут выбить противника из церкви.

Белобородов хмуро молчит.

- Не нравится мне это, - после паузы говорит он. - Только драка началась, а уже пищат... Передай Погорелову, чтобы помог.

7

10.10. Генерал ест с аппетитом. Тарелка супа с мясной крошонкой, изрядная порция гречневой каши, чай. Для него не готовят отдельно, он довольствуется из общего котла.

Мне интересны его мысли об искусстве командира. Спрашиваю об этом.

- О, тут целую библиотеку можно написать. Возьми, например, такую вещь - требовательность. Я сам был красноармейцем, знаю: когда чувствуешь, что командир роты, командир взвода спуску не даст, все выполнишь.

- Это - воля?

- Да, если хочешь, воля. Но при этом нужно, чтобы котелок варил, чтобы задача была правильно поставлена. Правильно формулировать задачу значит половину сделать.

10.20. С завтраком покончено. Белобородов соединяется по телефону с полком, ведущим бой в Рождествено.

- Что там у вас? Двадцать танков? Откуда вы узнали? Вы их видели? Это кому-то старуха шепнула, а вы перепугались. Если бы действительно так, они засыпали бы вас огнем. Цепляйтесь там, укрепляйте то, что заняли! И выбивайте их, гранатой действуйте! Артиллерия? Я дал команду помочь, хотя вам и своей хватит. Что она сегодня делала? Пусть поработает, пусть покажет, чего она стоит.

Представителю штаба армии хочется поближе ознакомиться с положением в районе Рождествено. Он отправляется туда.

10.30. Генерала вызывает к телефону подполковник Докучаев, командир первого гвардейского.

- Слушаю... Так, так... У тебя пятидесятитысячная? Власов, карту пятидесятитысячную! Галопом, галопом, старина! Ты не

волнуйся, Николай. Что у тебя с голосом? Ранен? Куда? В горло? А как ты говоришь? Содрало кожу? (Белобородову приносят карту.) Вижу, школа! Вижу! Не удалось? Потеряли? Сколько? Два? Ну и хрен с ней, со школой! Обтекай, потом сожжем! Хочешь разделаться? Действуй артиллерией, а пчелки (так в телефонных разговорах звалась в этот день пехота) пусть дальше пробираются. Бей прямой наводкой, только прямой наводкой! И через тридцать минут решить эту задачу! Тридцать минут сроку - и разделаться с этим атрибутом! А пчелок глубже в лес! Понятно? И пришли мне человека, чтобы рассказал лично обстановку.

10.35. Белобородов приказывает начарту:

- Выкати вперед, что у тебя там около школы, и дай прямой наводкой.

10.40. Входит Витевский.

- Товарищ генерал, сообщение из сто второго.

- Что такое?

- Из Трухаловки на Рождествено прошли две танкетки и восемь машин с фашистами.

- Какого же черта они их пропустили? Вызови мне сто второй.

10.45. Разговор с командиром сто второго.

- Да, да, уже знаю. Сами видели? Тогда какого же черта?.. Обстреляли? Прибавили скорость? А вот ваша скорость мне не нравится. Слепые старики уже дальше бы прошли! Заняли высоту двести шестнадцать? Закрепляйте ее, огневых средств туда побольше, дорогу пристреляйте! И вперед, вперед! Жевнево поскорей захватывай! Пойми, милый, сейчас это самое важное! Сильный огонь? Минометный? Из Трухаловки? Хорошо, я тебе в этом помогу. Хорошо, сейчас их утихомирим! Расцелуем тебя, когда возьмешь Жевнево!

10.50. Белобородов зовет начарта:

- Обижаются пчелки на вас, дружище. Трухаловку не давите. Чем он там располагает? Наблюдатели что-нибудь докладывали?

- Да, там скопление пехоты и десять - двенадцать танков.

- Это кстати. Дадим-ка туда залп "раисы".

- Есть, товарищ генерал.

- И как можно быстрее! Сумеете через двадцать минут шарахнуть?

- Через полчаса, товарищ генерал!

- А я требую через двадцать! Понятно? Засекаю время! Иди командуй! Бегом, бегом.

"Раиса" - "адская пушка", как ее называют немцы. У нас кроме официального наименования "пушка Р. С." ее зовут Катюшей, Марусей, Марьей Ивановной, "гитарой".

Ее залп - страшная штука. Такой залп все взметывает,

взвихряет, охватывает пламенем, сечет металлом.

Залпы "раисы" внезапны. Выстрелив, "раиса" тотчас покидает позицию и скрывается, чтобы через некоторое время с какой-то новой точки опять произвести свою мгновенную и страшную работу.

11.00. Белобородов вызывает к телефону подполковника Суханова командира третьего полка, который где-то скрыто расположен.

Сегодня это первый звонок генерала туда.

- Михаил? Здорово! Как жизнь молодая? Нет, пока сиди... Просто хотел справиться о твоем здоровье. Людей хорошенько покорми: побольше мяса, масла, не скупись. Пусть подкрепятся поосновательнее, - может быть, бегом придется. Помнишь, как мы с тобой бегали после разбора тактических учений? Намек? Да, может быть, намек! Да, может быть, придется и сегодня этак. Но пока не тревожь людей, будь только сам готов!

Входит лейтенант-танкист.

Вытянувшись, откозыряв, он четко докладывает о себе. Его зубы блестят почему-то слишком ярко. Зубы и белки. На молодом румяном лице осел темный налет - это копоть пороховых газов.

По распоряжению генерала он послан сюда из Снегирей доложить о том, что происходит там.

У Белобородова сегодня это первый человек, сам побывавший в деле.

Он командир тяжелого танка КВ. Его машина подбита. Другой танк немцы подожгли...

Белобородов прерывает лейтенанта:

- Садись. Завтракал? Брось отнекиваться... Власов! Чаю, колбасы! Сто грамм горючего! Галопом! Сначала мы тебя накормим, а потом ты все по порядку нам изложишь. Пей, закусывай! Быстро. Кто вас там выучил не подчиняться приказанию старшего начальника?!

Сконфуженно улыбаясь, лейтенант принимается за угощение. Однако это, как видно, ему действительно кстати. Он ест быстро и много.

11.20. Потом, вытерев руки о шинель, начинает рассказывать.

Генерал слушает, то хмурясь, то выражая свои чувства крепкой фразой, то перебивая двумя-тремя беглыми вопросами.

Перед нами встает картина боя в Снегирях.

Длинное каменное здание школы, имеющее большой круговой обстрел, немцы превратили в крепость. Они засели в подвале, вероятно углубив его. В кладке фундамента пробиты бойницы ("Как они, подлецы, это умеют!" произнес Белобородов), откуда немцы повели бешеный огонь. Из этого подземелья

стреляют не только пулеметчики и автоматчики; там установлено много минометов, которые трудно выковырять. У школы со всех четырех сторон в землю закопаны танки, которые тоже бьют из пулеметов и из башенных орудий. И где-то вокруг, в блиндажах, в щелях, в окопах, еще и еще минометы. Там все крошит наша артиллерия; слышно, как у фашистов смолкает та или иная батарея минометов; но через несколько минут начинают действовать новые.

Огонь из школы остановил наши батальоны, еще до рассвета ворвавшиеся в Снегири. Бойцы с гранатами и пулеметами подползли на двести метров. ("Зачем? - вставил Белобородов. - Обходить надо!") Несколько гранатометчиков поползли дальше, но не добрались до бойниц. Артиллерия усилила огонь по школе; отмечено много прямых попаданий; наши танки открыли пальбу из засады; пулеметчики стреляли с дистанции двести - триста метров, но подавить огонь противника не удавалось.

Тогда командир полка и командир танковой бригады приняли новое решение. Пяти танкам было приказано выдвинуться из укрытия, подойти к школе и прямой наводкой расстрелять пулеметные и минометные гнезда.

11.27. Внезапно лейтенант замолк. В тот же миг я услышал мощный нарастающий гул. Он не казался резким, громким, но все другие звуки боя сразу стали незаметны. Никто не удивился. Все мы знали, что это такое: кто слышал этот звук хоть раз, тот не смешает его ни с каким другим.

- "Гитара", - произнес Белобородов.

Казалось, кто-то задел в небе гигантские басовые струны и они громко гудят, постепенно утихая.

Это был залп "раисы".

Через минуту донеслись глуховатые сильные разрывы. "Тук, тук, тук" сыпалось словно из мешка.

"Раиса" накрыла намеченный квадрат.

11.80. Лейтенант продолжал.

Танки вышли: два тяжелых и три средних. На полном ходу громыхающие машины врезались в смертоносное пространство вокруг школы и, развернувшись, стали выпускать снаряд за снарядом в подвальные бойницы. Лейтенант видел, как из одной взрывом выбросило наружу обломки каменной кладки, потом стену заволокли клубы тяжелой красноватой пыли, и вдруг... Вверху раздался оглушительный удар: пушечную башню пробил немецкий снаряд. Оказывается, где-то у школы, а может быть и внутри здания, стояли замаскированные противотанковые орудия... Пушка вышла из строя, надо было отходить. Одному из средних танков снаряд перебил гусеницу. Танк перестал

двигаться, но продолжал стрельбу. Немцы всадили в него еще пять снарядов в нем погиб весь экипаж. Остальные танки отошли в укрытие.

Выслушав, Белобородов помолчал. Затем спросил:

- Подкреплений они не подбрасывали туда?

- Пытались. Но наши пулеметчики уже простреливали подходы к школе и туда их не допустили. Подкрепления залегли по обочинам шоссе и у кирпичного завода. Но там их крошат.

- По шоссе подбросили?

- Точно, товарищ генерал. Из Трухаловки.

- А наши? Все еще воюют с этой школой?

- Да, когда я уезжал, все огневые средства по ней били.

- А пехота?

- Лежит и тоже туда стреляет.

- Какого же черта?! - закричал Белобородов, но сдержал себя. - Вы, товарищ лейтенант, можете идти.

Обернувшись ко мне, генерал говорит:

- Втянулись в бой около этой школы. Надо бы оторваться от нее, но... открытое место, глубокий снег, огонь...

8

11.40. Белобородов приказывает вызвать к телефону командира первого полка. Но проводная связь с полками, наступающими на Снегири, опять прервана.

- Дать туда радио, - распоряжается Белобородов. - Пехоте немедленно оттянуться от школы и обходить лесом. Артиллерии продолжать огонь по школе.

11.45. Хорошие новости из сто второго.

"Раиса" удачно накрыла цель. Минометный огонь из Трухаловки резко сократился. Сто второй полк подходит к Жевнево. До крайних домов осталось семьсот метров.

- Жми! По-кавалерийски жми! - кричит Белобородов в трубку. - Что сейчас самое главное? Самое главное - скоро ли ты в Жевнево придешь? Давай, чтобы обедать там.

Окончив разговор, он на секунду закрывает глаза, словно для того, чтобы яснее видеть. Потом говорит:

- Вот оно где может получиться, что вспомогательный удар вдруг станет главным.

11.55. Восстановлена связь с одним из полков, ведущих бой в Снегирях. Подполковник Витевский сообщает, что оттуда доложили следующее: полк частью сил обтекает школу слева, продвинулся на несколько сот метров, но залег вследствие сильного пулеметного и минометного огня с кирпичного завода; полковая артиллерия бьет по кирпичному заводу.

- Какого черта они опять лезут на рожон?! - кричит генерал.

Он вызывает к телефону командира полка:

- Алексей? Докладывай... Не нравится мне это! Почему тебя тянет туда, где они тебе встречу приготовили? Плюнь ты на этот завод, обходи лесом, глубже забирай. Ты там без поражения можешь выйти! Ведь я тебе вчера все это показал, на бумажке все нарисовал. Обходить так и так, он сам оттуда выскочит как пробка. Вот тогда бей, уничтожай! Слева уже Жевнево занимают, милый, двигайся скорее, а то все пропадет!

12.05. Белобородов зовет Витевского:

- Давайте вашу карту...

Витевский раскрывает черную папку из твердого картона - она всегда с ним, когда он входит к генералу. В папке оперативная карта, моментальный снимок сражения. При всяком новом сообщении, иногда через каждые пять десять минут, Витевскому приходится, иной раз пользуясь резинкой, исправлять рисунок, нанесенный красным карандашом на карте.

Генерал берет папку. Конфигурация красных линий сейчас лишь очень отдаленно напоминает чертеж, который генерал рано утром набросал в моем блокноте. Вместо крутой кривизны двух стремительных дуг, охватывающих Снегири, у этого пункта оказалось несколько прямых, коротких стрелок: две из них уткнулись в здание школы, а две другие, немного продвинутые дальше, жались к границам поселка.

Лишь линия, стремящаяся в Жевнево, линия сто второго полка, совпадала со стрелкой, проведенной генералом. Но и тут встречной стрелы слева не было.

- Не умеем, - сказал Белобородов. - Из этой злосчастной школы нам стукнули по физиономии - захотелось сейчас же сдачи дать. Ввязались в темноте, вошли в азарт, и оторваться трудно. Азарт - страшная штука на войне. Трудно быть хозяином своего азарта.

12.15. Белобородов продолжает рассматривать карту.

Я сижу за столом и тоже смотрю на карту. Красные карандашные линии помогают разобраться во множестве теснящихся значков и надписей.

Я нахожу Рождествено - среди сбежавшихся в кучку полосок и квадратиков едва заметен маленький черный крест: это церковь, где засели немцы. Нахожу Жевнево, Трухаловку, Снегири. Один квадратик в Снегирях маленький, но отчетливо отделенный от других - обозначен двумя буквами: "Шк". Школа стоит у шоссе и превращена в сильный опорный пункт.

Школа! Сколько раз здесь произносилось сегодня это слово! Та самая школа в Снегирях, у которой с раннего утра идет жестокий и безрезультатный бой!

Вижу железную дорогу, вижу шоссе - четкий просвет меж двумя параллельными, пробегающими через весь лист.

Это Волоколамское шоссе. Край листа обрезает линию шоссе: в этой точке я различаю какие-то мелкие буквы. Напрягаю зрение, всматриваюсь, читаю. На странном для нас языке военных карт, не признающих склонений, в точке, где обрывается шоссе, написано "в Москва".

Это слово, словно взблеск молнии, вдруг озаряет смысл происходящего, как-то затерявшийся, куда-то отодвинувшийся в мелькании событий дня.

Ведь все, что совершается сегодня в этих безвестных подмосковных поселках: захват с криками "ура" окраин Рождествено; продвижение в Жевнево; многочасовой, все еще длящийся бой у школы; неудачный удар танков; нестихающая пальба пушек, минометов, пулеметов; залп "раисы", все это наша атака.

Наша армия, прижатая к Москве, атакует немецкую армию - эту чудовищную силу, не испытавшую ни одного поражения в десяти завоеванных странах Европы.

Удастся ли атака? Опрокинем ли врага? Погоним ли его?

Хочется ответить: "Да, да, да!" Но карта - не ведающая пристрастия "третья сторона", документ, от которого требуется только одно: точность; карта, над которой склонился генерал, вглядывающийся в оттиск сражения, не говорит сейчас, в полдень 8 декабря, ни да ни нет.

Боевой день еще не дал решения, судьба атаки не ясна.

12.25. Подняв круглую стриженую голову, Белобородов к чему-то прислушивается. Я тоже слушаю. Мне на минуту кажется, что пулеметная стрельба как будто продвинулась к нам. Но генерал спокоен. Он спрашивает Витевского:

- Какие у тебя последние сообщения из Рождествено? Я что-то давненько никого там не тревожил.

- Мне тоже давно оттуда не звонили.

- Почему? Связь действует?

- Да, все время действовала.

- Что они, обязанностей своих не знают? А ну, вызови их. Пробери начальника штаба, чтобы другой раз быстрее поворачивался.

Витевский соединяется с начальником штаба бригады:

- Говорит шестьдесят два. Я уже полчаса ничего от вас не имею. Большой хозяин приказал поставить вам это на вид.

Белобородов не выдерживает:

- Грубей, Витевский! Дай сюда трубку!

Генерал подходит к телефону, но в этот момент из соседней

комнаты доносится странный шум.

Кажется, кто-то рвется к двери; его задерживают; слышен чей-то голос: "Обожди!" - и другой, взволнованный: "Мне надо лично к генералу".

Белобородов быстро идет к двери, распахивает ее и спрашивает с порога:

- Кому я нужен?

12.30. Шум сразу прекращается. Среди наступившего молчания раздается:

- Товарищ генерал, разрешите доложить. Полковник Засмолин просит подкрепления.

По голосу слышно, что человеку не хватает дыхания: он говорит запыхавшись.

И вдруг Белобородов громко, по-командирски произносит:

- Как стоите? Докладывать не научились! Фамилия? Должность?

- Виноват, товарищ генерал. Командир разведывательного батальона старший лейтенант Травчук!

- Не Травчук, а чубук вы! От дырявой трубки! Какого черта напороли паники? Откуда вы сейчас?

- Из Рождествено, товарищ генерал.

- Зачем нужны там подкрепления? Вам и самим там делать нечего.

- Разрешите доложить, товарищ генерал.

- Вольно, можешь не тянуться. Иди сюда, рассказывай.

Вслед за генералом в комнату входит Травчук. Поверх шинели натянуты широкие белые штаны, туго подвязанные кожаным сыромятным шнурком. Подвернутые полы шинели сбились на животе под белыми штанами. У Травчука растерянное, оторопевшее лицо.

Вместе с Травчуком в комнате появляется еще один человек. Я знаю его: это лейтенант Сидельников, командир мотострелкового батальона, отчаянный мотоциклист. Он очень молод, лицо кажется юношеским, но он умеет приказывать - в нем есть командирская жилка, в батальоне его слушаются с одного слова. Мотострелковый батальон расположен рядом, в пятидесяти шагах отсюда. Это тоже резерв Белобородова...

Щелкнув каблуками, Сидельников замирает, вытянув руки по швам и слегка подавшись корпусом к Белобородову.

На нем меховая шапка и хорошо подогнанный короткий полушубок, к рукавам пришиты варежки.

Сидельников не произносит ни слова, но весь он - сосредоточенное и вместе с тем радостное лицо; напряженная, словно на старте, фигура, - весь он сама готовность. Приказ - и он

вмиг вылетит из комнаты. Приказ - и через две минуты батальон отправится выполнять задачу.

Взглянув на Сидельникова, Белобородов спрашивает:

- Это он тебя с собою притащил?

- Так точно, товарищ генерал.

- Ишь какой расторопный, где не надо. Неплохой разведчик. В момент разведал, где резерв. Не там разведуешь!

Последнюю фразу генерал выкрикивает. Потом обращается к Сидельникову:

- Слетай туда, дружище, посмотри, почему они там в штаны пустили. И сейчас же мне доложишь!

- Есть, товарищ генерал!

Стремительно повернувшись, Сидельников выходит.

12.40. - Ну, товарищ мастер! - говорит Белобородов. - Мастер разведывать, что у него сзади!

Белобородов смеется. Мне странно, как он может смеяться в такую минуту, еще не узнав, с чем прибежал к нему этот взволнованный, запыхавшийся человек. Травчук тоже смотрит на генерала с удивлением, но его лицо становится осмысленнее, спокойнее.

Резко оборвав смех, Белобородов спрашивает:

- Выкладывай, с чем пришел?

- Нас выбивают из Рождествено, товарищ генерал.

- Кто? Сотня вшивых автоматчиков?

- Нет, товарищ генерал, они подбросили туда два танка и свыше батальона живой силы.

- Ну и что ж? А у нас там полк.

- Бьет термитными снарядами, товарищ генерал. Зажигает дома, которые мы заняли. Бойцы не выдерживают, откатываются.

- А для чего вам подкрепление?

- Как для чего? Не понимаю вопроса, товарищ генерал.

- Я спрашиваю, - голос Белобородова опять гремит, - для чего вам подкрепление?

- Для того... Для того, чтобы выбить...

- Значит, дяденька за вас будет выбивать? Варяги к вам придут выполнять вместо вас задачу?..

- Мне приказано, товарищ генерал...

- Передай полковнику, что никаких подкреплений у меня нет. Здесь у меня только мотострелковый батальон. Это мой резерв. Его дать не могу. Понятно?

- Понятно, товарищ генерал.

- Передай, что надо учиться воевать, учиться побеждать теми силами, которые имеются. Передай, чтобы выполнял задачу! Все! Можешь идти!

- Есть, товарищ генерал.

Белобородов задумчиво ходит по комнате. Потом произносит: - Нет! - И, обращаясь ко мне, продолжает: - Вот положение - никакой формулы не подберешь. Ни алгебра, ни тригонометрия не помогут. Одно знаю: не хватит выдержки - сорвешь всю операцию.

9

12.45. Белобородов вызывает к телефону командира бригады.

- Засмолин? Говорит семьдесят шесть. В чем дело, Засмолин? Почему мечете икру? Танкетки? Эти танкетки любое противотанковое ружье берет. Поставьте пять ружей и щелкайте. Что? Сколько перед вами противника? Вся группа генерала Гудериана, что ли? Не обстреляны? Знаю, что не обстреляны. Вот вам и обстрелка. Никаких подкреплений у меня нет! Что? Куда может ворваться? (Лицо Белобородова вдруг вспыхивает темным румянцем.) Вы что пугать вздумали меня? Немедленно отправляйтесь лично наводить порядок! Шагом марш на высоту двести один и руководите там боем! Марш! Все!

Генерал сердито кладет трубку.

- Ну и Рождествено, - говорит он, - чтоб ему сгореть.

12.50. Разговор по телефону с командиром первого гвардейского полка.

- Николай! Как дела? Что-то у тебя голос невеселый? Дорогу пересек? Нет? Почему нет? Откуда тебя прижимают огнем? С кирпичного завода? А на кой черт ты туда лезешь? Простреливает насквозь всю просеку? Это мура на постном масле! Почему не забираешь глубже? Что у него - на пять километров пулеметы бьют? Накрывают минами? А твои огневые средства что делают? Ведь у тебя в пять раз больше этого добра. Я тебе приказываю забирать глубже! Подавляй огонь и пересекай дорогу. Давно бы по одному перебежали! Пересекай и выходи на шоссе - выполняй задачу! Ползком, но только вперед, вперед! Сейчас же разрешай проблему, а то получается спячка. Пойми, Николай, задачу надо выполнить. Любой ценой, но выполнить!

12.55. Белобородов требует к себе начарта. Генералу докладывают, что Погорелов сейчас находится на командном пункте одного из артполков.

- Вызовите к телефону, - приказывает Белобородов.

Через несколько минут начарт у телефона.

Генерал берет трубку:

- Погорелов? Ты когда мне минометные батареи подавишь? В кирпичном заводе. Они туда посадили минометчиков и накрывают весь лес минометным огнем. Что? Стены? Мне хоть стальные, хоть железные - я спрашиваю, когда подавишь огонь?

Здесь по площади можно было давно подавить все это. Если засветло не подавишь, впотьмах будешь давить. Давайте долбайте, чтобы ничего там не осталось, чтобы там все с землей смешать! Нажми там своим удельным весом! И быстрее! Как можно быстрее!

13.10. Разговор по телефону с командиром второго гвардейского полка:

- Алексей, что у тебя слышно? Как на старом месте? Почему на старом месте? Я ведь полтора часа тому назад приказал тебе в тридцать минут разделаться с этим атрибутом или бросить его к черту. Чего ты привязался к этой школе? Бросай сейчас же, вытягивай людей оттуда и обходи лесом! Тьфу, я ведь тебе тридцать раз это объяснял. Вперед - захлестывай справа, чтобы ни одного подлеца не выпустить оттуда. А школа, шут с ней, пусть стоит ни одной минуты не смей больше около нее терять. Что? Плохо слышно? Когда тебе чего-нибудь от меня надо, тогда слышишь хорошо, а когда тебе говорят: "Дай!" - не слышно? Я тебе приказываю: обходи справа. Это тебе сегодня кровь из носу, а сделать! Алеша, милый мой, уразумей: он один без тебя ничего не сделает. Обоим вам там быть сегодня и чай там пить сегодня!

Белобородов кладет трубку и произносит:

- Ну, и цепляются, мерзавцы. Засели, как клопы в щелях! Хоть керосином выжигай! И оттянуться уже трудно.

13.20. В звуках боя не чувствуется спада. Наоборот. Артиллерия бьет как будто чаще, а пулеметная стрельба стала явственно слышнее. Где-то близко с характерным глухим треском рвутся мины.

- Сюда бросает, - говорит генерал. - Скоро начнут стекла сыпаться. Если он узнает, что это за домик, - нам придется жарко.

Белобородов ложится на диван - в шинели, в шапке, подпоясанный, закрывает глаза, дремлет или думает.

13.55. Стук в дверь. Генерал мгновенно подымается.

- Кто там? Заходи...

Входит Сидельников.

- Ну как, побывал в Рождествено?

- Нет, товарищ генерал.

- Почему?

- Противник огнем не подпускает. Обстановка такова: первый батальон лежит на исходных в пятистах метрах от Рождествено. Южную окраину, куда полк врезался утром, противник сжег. И сейчас еще кое-что горит. Но там, по всей вероятности в землянках, которые выкопали жители, зацепились наши пулеметчики. Огонь очень интенсивный. Сколько наших там, кто они - в штабе не знают. Судя по звуку, у нас там семь-восемь

пулеметов. Слышен и винтовочный огонь.

- Вот это люди! Я тебя попрошу: разузнай завтра их фамилии, запиши и записку лично дай мне в руки... Ну, ну, дальше... Где другие батальоны?

- Перемешались. Выбежали из Рождествено и рассеялись в лесу. Противник выбросил в лес две или три группы автоматчиков. Организованного отпора я не видел.

- Что ж они - шарахаются?

- Точно, товарищ генерал. И, судя по некоторым признакам, противник, возможно, готовит здесь контратаку.

- По каким признакам?

- При мне в Рождествено подошло четыре машины с пехотой.

- По какой же дороге?

- Из Трухаловки. Через Жевнево.

- Как через Жевнево? Ведь там дорога перехвачена! Ты сам видел?

- Сам видел, товарищ генерал.

- Не может быть! Сто второй оседлал эту дорогу!

- Сто второй полк отошел, товарищ генерал.

- Как отошел? Куда отошел?

- Приблизительно к линии Снегири - Рождествено.

- А совхоз? А высота двести шестнадцать?

- Оставили, товарищ генерал...

- Не верю!..

- Я сам там был, товарищ генерал.

- Что они - спятили?

У Белобородова потемнело лицо. Ему хочется накричать, стукнуть кулаком, но, сдерживая себя, он приказывает дежурному связисту:

- Сейчас же к телефону командира сто второго!

14.10. Разговор с командиром сто второго.

- Кто у телефона? Говорит семьдесят шесть... Какого черта? Что? Выслушать? (Генерал слушает, закрыв глаза и морщась.) А приказ был? Я спрашиваю: приказ об отходе был? Вы - командир, вы должны знать, что отход без приказа - преступление. Судить будем за это! Какого черта вы перепугались? Не он у вас в тылу! Вы у него в тылу! Вы его отрезали! Ох, боже мой, что же вы до сих пор воевать не научились! Покормите людей и сейчас же все снова занимайте! Что? Уже успели установить. На высоте двести шестнадцать? Минометы? Сколько? А вы чего же зевали? Указания? Задачу надо выполнить - вот и указания!

Разговор кончен. Белобородов морщится.

- Пленных потеряли, трофеи потеряли... Узнали, что из Рождествено нас вышибли, и... Вот вам война нервов. Вы у него в тылу, он у вас в тылу чьи нервы выдержат. Сидельников, как у тебя нервы?

- Выдержат, товарищ генерал.

- Уверен?

Юношеское лицо Сидельникова вспыхивает.

- Жду приказаний, товарищ генерал.

- Пока иди. Накорми людей. И пусть оружие хорошенько вычистят.

- Есть, товарищ генерал.

Сидельников уходит. У него стремительный, легкий шаг. Генерал смотрит ему вслед.

14.20. Витевский сообщает генералу сведения, поступившие от соседних дивизий.

Сосед слева ведет бой у недалекого села. Противник удерживает село.

- Эх, и они завязли, - невесело говорит Белобородов.

- Да, там тоже церковь, школа... И огонь из бойниц, устроенных в фундаментах.

Витевский продолжает сообщение.

У соседа справа успех: занято село Крюково. Генерал сразу оживляется.

- Вот это отлично. Как заняли, не знаешь?

- Обошли с двух сторон. Противник бросил все и отскочил.

- Что и требовалось доказать! Некоторые головой думают, а другие стену головой ломают. Знаешь, Витевский, кто это другие?

- Не знаю, - неуверенно отвечает Витевский.

- Мы с тобой, дружище. Девятая гвардейская. Группа генерал-майора Белобородова.

Белобородов хохочет.

Я опять изумлен. На фронте тяжело; ни в одном пункте не решена задача; день скоро кончится, мы как будто проигрываем сегодняшний бой, этот, несомненно, исторический, наступательный бой на волоколамском направлении, а Белобородов хохочет. Как можно оставаться веселым, хохотать в такой момент?

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, Белобородов понимает что-то такое, чего я не вижу и не понимаю?

14.30. Отпустив Витевского, генерал устраивается полулежа на диване и закрывает глаза, подперев рукой большую стриженую голову. Мне опять не ясно, что он - дремлет или думает.

Несколько минут молчания. Потом, не открывая глаз, Белобородов приказывает дежурному телефонисту:

- Позвони во все полки. Узнай, каковы потери.

Телефонист спрашивает:

- Сколько у вас больных сегодня? Сколько уснувших?

Это наивный и прозрачный шифр. Больные - значит раненые, уснувшие убитые.

Телефонист записывает сообщаемые цифры, но на третьем звонке, вызвав кого-то из новеньких - сто первый или сто второй, внезапно раздражается.

- Тьфу ты! - кричит он. - Уснувших, понимаешь? Ну тебя, с тобой не сговоришься.

- Что там? - произносит Белобородов.

- Я, товарищ генерал, спрашиваю: сколько уснувших, а он мне: "У нас никто не спит". С ним немыслимое дело, товарищ генерал.

Белобородов устало улыбается, не открывая глаз.

Телефонист передает ему бумагу. Белобородов просматривает, потом опять закрывает глаза.

Идут минуты. Тихо. Никто не звонит генералу: нет, очевидно, радостных вестей.

10

14.50. Я не уловил момента, когда в комнате что-то изменилось. До меня дошло какое-то движение, и в тот же момент меня словно подбросило. Я понял, что незаметно задремал.

Белобородова уже не было в комнате. Дверь в соседнюю комнату оказалась почему-то открытой. Я поспешно направился туда.

Там по-прежнему горели керосиновые лампы, освещая потертые брезентовые коробки полевых телефонов, карту на большом столе, фигуры и лица работников штаба, с утра не снимавших здесь, в темных, отопревших стенах, шапок и шинелей.

Отсюда весь день доносился гул разговора, но сейчас меня поразила тишина.

Я сразу увидел Белобородова. Он стоял в центре - невысокий, сумрачный. Лампа освещала снизу его широкоскулое лицо - щеки залились румянцем, глаза сузились. Все, кто его знал, понимали: он сдерживает рвущийся наружу гнев. Я не хотел бы держать ответ перед ним в эту минуту.

Против него стояли три человека, очевидно только что вошедшие. Я увидел на полушубках и шинелях снег, еще не потемневший, не подтаявший, и понял, что не опоздал.

С генералом говорил кто-то высокий, сутуловатый, в полушубке до колен, с шашкой на боку. Я узнал полковника Засмолина. Он настойчиво старался в чем-то убедить Белобородова.

Я не застал начала разговора, но по двум-трем фразам догадался: Засмолин приехал, чтобы лично просить у генерала подкреплений.

С Засмолиным прибыл капитан, офицер связи штаба армии, тот, что утром провел некоторое время у Белобородова.

Рядом стоял человек в шинели с красной звездой на рукаве. В первую минуту я не узнал его. Меня лишь удивило очень бледное его лицо. Но я тотчас понял, что это не бледность растерянности или испуга. Лицо было сурово, сосредоточенно, и я сразу вспомнил вчерашнюю мимолетную встречу: крепко сбитую фигуру, твердую постановку головы и корпуса. Я шепотом спросил телефониста: "Кто это?" - "Комиссар бригады", - был ответ.

Белобородов молча слушал.

- Хватит! - вдруг крикнул он.

Засмолин осекся.

Секунду помедлив, овладевая в этот момент собой, генерал негромко продолжал:

- У нас с тобой после будет разговор...

Затем он обратился к капитану:

- Вы оттуда? Доложите обстановку. Только быстро, быстро.

Волнуясь, но стараясь говорить спокойно, капитан последовательно изложил события боя за Рождествено.

В девять утра два наших батальона заняли южную окраину села Рождествено. Сопротивление противника концентрировалось в церкви и вокруг нее. Наши силы захватывали дом за домом. Противник подбросил резервы - два танка и до батальона пехоты. Немцы стали бить термитными снарядами, зажигая дома. Это внесло замешательство. Послышались крики: "Огнем стреляет!" Несколько человек побежали, за ними остальные. Штаб бригады выбросил резервный батальон, который залег в полукилометре от села. Но теперь положение ухудшилось. Из села небольшими группами, по десять пятнадцать человек, начали выбегать автоматчики противника и, пробираясь лесом, стали обходить батальон. Некоторое время батальон лежал под обстрелом с флангов, неся потери, но немцы проникали дальше, стремясь с обеих сторон выйти батальону в тыл. Наши не выдержали и откатились.

- Куда? - спросил Белобородов.

- Сюда. Бойцы залегли у окраины этого поселка. Штаб бригады бросил последнее, что у него было, - комендантский взвод. Сейчас немцы ведут огонь с опушки леса. Они уже подтянули сюда и минометы.

- Все? - спросил генерал.

- Что еще? Артиллеристы увидели, что батальон отходит, орудия на передки - и тоже сюда.

- Все?

- Да, во всяком случае, товарищ генерал, самое главное.

- Самое главное? - переспросил Белобородов и взглянул на комиссара, словно ожидая от него ответа.

В эту минуту все ясно услышали глухой разрыв мины где-то рядом с домом. Тотчас ухнул второй... Третий. Четвертый... Против нас действовала немецкая новинка - многоствольный миномет.

Засмолин не выдержал молчания.

- Мне нечем их отбросить, - сказал он. - Они могут на плечах сюда ворваться.

Но Белобородов словно пропустил это мимо ушей.

- Самое главное? - повторил он и опять пристально посмотрел на комиссара.

Тот стоял в положении "смирно", глядя прямо в глаза генералу. Комиссар молчал, но кадык, остро выступающий на сильной шее, подался вверх и скользнул обратно, как при глотательном движении. По напряженному лицу, обросшему двухдневной щетиной, угадывалось, что у него сейчас стиснуты зубы.

И вдруг генерал стукнул по столу - во вздрогнувшей лампе подпрыгнул и на секунду закоптил огонь - и крикнул:

- А пулеметчики, которые не побежали, как овцы, из Рождествено, - это для вас не главное? Пулеметчики и стрелки, которые и сейчас там держатся, - это не главное? Сколько их?

- Человек сорок, - не очень уверенно ответил Засмолин.

- Сорок? А может быть, сто сорок? Ни черта, я вижу, ты не знаешь. Но пусть их осталось даже двадцать пять; эти двадцать пять стоят сейчас дороже, чем две тысячи, которых, из-за того что ты не умеешь управлять, гоняет по лесу сотня вшивых автоматчиков.

- Из двух тысяч, товарищ генерал, осталось только...

- Не верю! Сказки про белого бычка! Ни черта ты не знаешь! Почему ты сейчас здесь? Кто тебе позволил бросить войска и прибежать сюда?

Молчание. Слабо доносится пулеметная стрельба: пулеметы бьют неподалеку, но стены и плотно занавешенные окна скрадывают звук. Слышится сильный глуховатый удар, это опять немецкий многоствольный миномет, но мины ложатся где-то в стороне; ухо едва улавливает четыре отдаленных разрыва.

- Комиссар! - Голос Белобородова гремит на весь дом. - Комиссар! Почему вы здесь? Почему вы не с пулеметчиками, которые держатся в Рождествено?

Комиссар молчит. Лицо по-прежнему очень бледно, и он по-прежнему смотрит прямо в глаза генералу.

- Извольте отвечать!

Комиссар отвечает очень сдержанно:

- Я приехал, товарищ генерал, чтобы получить ваши приказания.

- Какие приказания? У вас есть приказ. Другого приказа нет и не будет! Запомните - не будет!

- Какой приказ? - спрашивает Засмолин.

- Выполнить задачу!

Снова где-то совсем рядом разрыв, и тотчас - звон стекол, посыпавшихся в другой половине дома. Нервы ждут второго,

третьего, четвертого ударов, но их нет - это одиночная мина.

- Выполнить задачу! - властно повторяет генерал. - Овладеть Рождествено! Окружить и уничтожить всю эту вшивую шпану!

- Товарищ генерал. Но я прошу... - произносит Засмолин.

- Не дам! Ни одного бойца не дам! Учись воевать собственными силами.

- Сейчас их нет...

- Вранье! Не верю! С твоими силами можно раздавить это село! С твоей артиллерией там все можно разнести к чертовой матери! Руководить надо, управлять надо, а не распускать слюни!

- Но...

- К черту твои "но"... Отправляйтесь сейчас сами, - командир, комиссар, начальник штаба, все до единого, все, кто есть у тебя в штабе. Отправляйтесь туда, где растеряли своих людей, и наводите там порядок. И чтобы в двадцать ноль-ноль задача была выполнена! Окружить и взять Рождествено во что бы то ни стало!

Белобородов смотрит на Засмолина в упор.

- Любой ценой! Понятно?

Его взгляд, почти физически источающий волю, ясно говорит: "Даже ценой твоей, Засмолин, жизни!"

- Понятно! - отвечает Засмолин.

Генерал испытующе смотрит на него, потом поворачивается к комиссару:

- А тебе, комиссар, задача: пробиться к пулеметчикам в Рождествено. Собери охотников - фамилии их сейчас же мне пришли сюда - и с ними! Ползком ползите, но проскользните, поддержите! Там твое место, комиссар! Ясно?

- Ясно, товарищ генерал.

- Ну, что еще? Тут, товарищи, проверяется все. С нами шутить не будут. Это приказ Москвы.

Белобородов сказал это негромко, но с такой непреклонной силой, что у меня морозец пробежал по позвоночнику. И вероятно, не только у меня. Вероятно, многие, кто присутствовали в эту минуту здесь, в сырой, промозглой комнате, где обосновался штаб советских войск, начавших в шесть утра 8 декабря 1941 года атаку на волоколамском направлении, - многие остро ощутили критический час истории, когда Белобородов второй раз в этот день произнес слово "Москва".

После минутной паузы Белобородов спросил:

- Вопросов нет?

- Разрешите сказать, товарищ генерал, - произнес Засмолин.

Он уже изменился - проступила командирская подтянутость, командирская твердость.

- Комиссар ранен, товарищ генерал.

- Ранен? Куда?

- В левое плечо. Ему на поле боя санитар сделал перевязку.

- Я... - начал комиссар и смолк.

- Говорите, - сказал Белобородов.

- Завтра я приду к вам, товарищ генерал, с докладом, что задача выполнена, или... - Комиссар запнулся, но заставил себя договорить: - Или не приду совсем!

Белобородов пристально посмотрел на комиссара.

- Хорошо, - сказал он. - Больше вопросов нет? Нет? Все. Идите.

11

15.40. Белобородов возвращается к себе и молча шагает по комнате. Потом говорит:

- На войне жалость в сторону. Будешь жалеть - и людей погубишь, и задачу не выполнишь.

Он смотрит на часы:

- Ого, дело к вечеру. Скоро второй день начнем.

- Как второй? - спрашиваю я.

Генерал смеется:

- Это у меня собственная астрономия. Привык по-своему считать: до вечера один день, а потом - второй. В один день два боевых дня укладываем, а иначе теперь и воевать нельзя. Но война войной, а обедать надо. Власов! Опять голодом моришь? Как с обедом? Давай, давай - и чтобы щи были погорячей.

15.50. На стол, где стоит телефон, ставят тарелки, хлеб, стаканы.

Белобородов берет трубку и вызывает командира второго гвардейского полка:

- Алексей? Ну, как у тебя дела? Все еще возишься со школой? Почему севернее не идешь? Как некуда?

Что за чепуха, какой-то заколдованный круг. А почему Николай прошел? Он уже кирпичный завод миновал! Что? Не миновал? Вот я вас соберу обоих и палками отдеру. Один на другого оглядываетесь. Вы думаете, нам простится это безобразие? Целоваться будут с нами? Давай обтекай! Никаких отсрочек! Какую помощь я тебе дам? Михаила? Нет, дорогой, Михаила я тебе в помощь не пошлю. Выполняй собственными силами. Пойми, Алексей, мне нужно, чтобы ты все держал там в напряжении, а то провороним всю операцию... Пускай народ пообедает, передохнет - и опять за дело! А ты сейчас же приезжай ко мне сюда! Я на новом месте. Знаешь? Найдешь? Приезжай, только быстро-быстро, чтобы через четверть часа был здесь!

15.55. Генерал звонит командиру первого гвардейского полка и, расспросив о положении, приказывает явиться через четверть

часа.

16.00. Белобородов зовет Витевского, берет у него черную твердую папку, раскрывает и смотрит на карту. Там красными стрелами нанесено продвижение полков и батальонов. Некоторые линии пришлось стереть резинкой - от них на карте сохранился слегка вдавленный розоватый след, - здесь атакующие части отошли. Другие стрелки остались короткими - уже в течение часа или двух по проводам, идущим оттуда, сообщают: "На старом месте. Положение прежнее", и нет ни одного донесения, которое позволило бы удлинить хотя бы на миллиметр замершие красные линии.

- Эх, - произносит Белобородов, - все просят помощи. А мы с тобой, Витевский, ни разу не просили. И не будем!

Генерал поднимает голову. Лицо спокойно, глаза ясны, он улыбается. Ему - командиру 9-й гвардейской - есть чем гордиться, есть о чем вспомнить.

- Что же, - продолжает он, - сообщи штабу армии обстановку. И добавь... - Белобородов подмигивает: - И добавь: начинаем второй тур. Понятно?

- Понятно, товарищ генерал...

- Иди обедай. Мы тут тоже перед новыми делами немного подзаправимся... И как только пообедаю, давай мне сюда подполковника Суханова и этого... лейтенанта-сорвиголова... Сидельникова! За Сухановым сейчас же пошли мою машину.

- Есть, товарищ генерал.

16.05. Белобородов идет вместе с Витевским к двери, отворяет ее и кричит:

- Власов!

Потом вдруг другим тоном спрашивает:

- А это кто? Откуда вы?

- От комиссара дивизии, полкового комиссара Бронникова, товарищ генерал.

- Что-нибудь сногсшибательное?

В голосе Белобородова звучит тревога.

- Нет, товарищ генерал, ничего такого...

- А почему не по телефону?

- Там телефона нет... Товарищ комиссар сейчас в лесу с разведчиками. Допрашивают там пленного унтер-офицера.

- Раздобыли "языка"? Молодчина Родионыч.

- Товарищ комиссар приказал передать, что будет здесь к семнадцати часам вместе с капитаном Родионовым.

- Вот это кстати! Вот это вовремя!

- Разрешите идти, товарищ генерал?

Белобородов весело кричит:

- Накормите его! Двойную порцию ему! Власов, где ты пропал со щами?

16.20. Обедаем. Я говорю:

- Какое у вас странное отчество: Павлантьевич...

- Эх, - отвечает генерал. - Мой отец и сам толком не знал, как его зовут: Паладий, Евлампий, Аполантий... Рылся всю жизнь в земле, так и умер темным! Сейчас оглянешься - и страшно: как были задавлены люди, как были обделены всем, что достойно человека. О самом лучшем, о высшем счастье даже не подозревали...

Еще в первую встречу Белобородов рассказал мне, правда, очень кратко, историю своей жизни. Я уже знал, что он окончил четырехклассную сельскую школу, что в 1919 году, шестнадцатилетним подростком, пошел в партизанский отряд, в 1923-м добровольно вновь вступил в Красную Армию и, прослужив год красноармейцем, был послан в пехотную школу. "Недавно по дороге на фронт, - рассказывал он, - я вышел из поезда в Горьком. В тысяча девятьсот двадцать шестом году я уехал оттуда на Дальний Восток командиром взвода, а возвращался пятнадцать лет спустя командиром дивизии".

Я спрашиваю генерала:

- А что же, по-вашему, самое лучшее?

Он отвечает не задумываясь.

- Творчество.

- Творчество? На войне?

- Странно? Мне самому иногда странно. Задумаешься и содрогнешься: какой ужас - война. Никогда не забуду одной жуткой минуты. Это было в бою во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге. Лежал боец и мокрыми красными руками запихивал кишки в живот, разорванный осколком. Это видение преследовало меня целые годы! А сколько теперь этой жути! А это? (Белобородов обвел вокруг себя рукой, указывая на диван, на голые железные прутья кровати, на забытую сломанную куклу, на всю комнату, покинутую какой-то семьей.) Это разве не страшно? И все-таки я никогда не знал такого подъема, никогда не работал с таким увлечением, как теперь. На днях я получил телеграмму от жены. Она поздравляла меня сразу с тремя радостями: с тем, что дивизия стала гвардейской; с тем, что я получил звание генерал-майора, и с тем, что на свет появился наш третий ребенок. Жена у меня чудесный человек, по образованию педагог. Я до сих пор влюблен в нее, но, когда прочел телеграмму, вспомнил, что последний раз послал ей открытку полтора месяца тому назад. Дело так увлекает, что забываешь обо всем... Думаешь, думаешь - и вдруг сверкнет идея.

И примериваешь, сомневаешься...

- Сомневаешься? - переспросил я.

- Еще как! Поставить задачу, отдать приказ - это не просто. Иногда измучаешься, пока найдешь решение. А ведь бывает, что надо решать мгновенно. И за одну минуту столько переживешь, будто вихрь через тебя пронесся. Ошибешься - людей погубишь, соседей подведешь, весь фронт может колебнуться из-за твоей ошибки. А ведь какой фронт - Москва сзади! Возьми, например, сейчас. Что делать? Может быть, послать резерв к Засмолину, чтобы отбросить противника, который взял инициативу в Рождествено и прорывается сюда? Нет! Если пойти на это, значит, уже не я командир, а противник мною командует, навязывает мне свою волю. А сегодня мы должны переломить его! Сегодня мы должны погнать его назад, погнать по нашей воле! Ты знаешь обстановку, противник здесь крепко держится. И надо искать решение. Где оно?

- Но мне кажется, Афанасий Павлантьевич, что у вас как будто есть решение.

- Да, наклевывается. Но надо еще взвесить, потолковать с людьми, проверить и только потом сказать: "Да, так!" Но знаешь, что помогает?

- Что?

- Ненависть!

Он произнес это слово, и его лицо, которое я знал хмурым и веселым, добрым и разгневанным, на миг стало беспощадным.

Я смотрел на его широко раздавшееся лицо - лицо "иркутской породы", и мне стало радостно и жутко. Ведь сейчас, во время негромкой беседы за столом, в этом лице промелькнуло лишь слабое, отдаленное отражение беспощадности, что в нем живет.

- Не знаю, - продолжал Белобородов, - мог ли бы я яростнее ненавидеть, если бы физически боролся один на один с бандитом, который хочет ножом перерезать мне горло! А поговорите с народом - о, как растет ненависть! Фашисты готовили нам все такое, что даже жизнь моего отца серая, скудная жизнь придавленного человека - показалась бы невероятно радостной. Но не вышло, горло они нам не перережут! Они уже начинают уяснять и скоро завопят от ужаса, когда с нашей помощью окончательно поймут, какая сила Советская страна!

Генерал говорит, я слушаю с волнением.

Казалось бы, мысли, высказанные им, не новы и, быть может, на бумаге выглядят давно известными, много раз прочитанными, но у него они накалены страстью, окрашены чем-то глубоко личным, идущим от самого сердца.

Я слушаю, и мне вдруг становится яснее, почему ни одно

государство не выдержало бы ударов, которые пришлись на нашу долю.

Я слушаю Белобородова и вспоминаю других выдающихся людей нашей страны, которых мне довелось близко знать, и не о всех, к сожалению, я успел написать. Я вспоминаю семью доменщиков Коробовых, строителя Кузнецкого завода Бардина, конструктора советских авиамоторов Швецова они все различны и все похожи.

И Белобородов похож на них.

Это люди-созидатели, каждый в своей профессии, и вместе с тем созидатели нашего общества, государственные деятели Советской страны, подобных которым - по манере, повадке, характеру, духу - не знает история.

И пожалуй, первый признак, по которому их узнаешь, тот, что от них ощутимо исходит или даже брызжет радость напряженнейшего творчества. Они живут в полную силу, во весь размах большого дарования.

И вместе с этим - воля! Часто почти невероятная, часто совершающая невозможное!

Это люди страсти - творческой страсти, творческой одержимости, влюбленные и беспощадные.

После революции миллионы стали жить и живут творчески, миллионам доступно высшее счастье, о котором говорил Белобородов.

Вот о чем думалось мне, когда говорил генерал.

12

16.50. Стук в дверь. Входят подполковник Суханов и комиссар полка Кондратенко.

У Суханова по-прежнему флегматичный, немного сонный вид.

Кондратенко здоровается сиплым шепотом. У него, как и вчера, горло обмотано шарфом.

- Обедали? - спрашивает Белобородов.

- Да, мы теперь регулярно обедаем, - отвечает Суханов.

- Небось две порции трахнули? - подмигивая, говорит Белобородов.

- Нет, особого аппетита не было.

- Я не о тех порциях говорю.

- А... Нет, товарищ генерал, этим я не увлекаюсь.

- Садитесь. Скоро будем толковать.

- Полк готов, товарищ генерал.

- Садитесь. Я еще поджидаю кое-кого.

17.00. Белобородов выходит на крыльцо. Смеркается.

Снег опять пошел гуще, и уже с ветром. Это еще не наша

русская вьюга, но снег летит быстро и косо, а ветер нет-нет и сорвет с белого покрова легкий слой верхних снежинок, запылит и понесет.

Половина горизонта, та, что перед нами, озарена пламенем пожаров... Далеко и близко горят деревни.

В Снегирях пулеметная стрельба почти стихла (правда, ее, быть может, не слышно за ветром, который несется туда), но по-прежнему ведет частый огонь артиллерия.

Зато слева, совсем близко, почти на окраине нашего поселка, идет жаркая винтовочная и пулеметная пальба. Сквозь нее до уха доходит характерное трещание немецких автоматов.

Слышится неприятный вой приближающейся мины. Черт возьми, как быстро привыкаешь ко всему, - сидя с генералом в комнате, я перестал замечать близкие разрывы. Но здесь, на воле, мне кажется, что мина летит прямо на нас. Я невольно отклоняюсь в сторону. Но мина ложится где-то среди улицы, я жду разрыва, проходят секунды, его нет - мина не взорвалась.

Белобородов прислушивается к звукам боя.

- Держатся... - радостно говорит он. - Слышишь?

Я слышу, но мало понимаю. О ком он говорит, кто держится, где держится? Спрашиваю об этом.

- В Рождествено! Наши пулеметчики! Вслушайся-ка...

Я напрягаю слух и улавливаю где-то за линией боя стрекот пулеметов, заглушаемый близкой стрельбой.

- Он к ним прорвется, - говорит генерал. - Зря я его... Орел!

И хотя он не называет того, о ком речь, мы оба понимаем: комиссар.

- Да и тут неплохо, - продолжает, вслушиваясь, Белобородов, - наш огонь уже посильнее, чем у них. Ого, вот и наши минометы. Наконец-то Засмолин стал, кажется, по-настоящему засмаливать. Получил тут подкрепление.

И Белобородов хохочет, вспомнив недавнюю сцену. Часовой у двери смотрит улыбаясь. Он не удивлен, он привык к тому, что генерал любит посмеяться.

Но Белобородов резко, как всегда, обрывает смех.

- Хороша погодка... Морозцу еще бы! - произносит он и сквозь несущуюся косую пелену всматривается в даль.

- Эх, уйдут, уйдут... - вырывается у него.

- Уйдут?

- А почему они жгут деревни? Видишь, где горит? (Генерал показывает рукой.) Это Высоково, отсюда восемь километров... Почему зажгли? Плохо. Убегут.

- Убегут? Почему же это плохо?

- Потому что... Надо сделать аминь всей этой группировке!

17.10. Возвращаемся в комнату.

Белобородов спрашивает Витевского:

- Что сообщают от Засмолина?

- Там, товарищ генерал, никого в штабе не осталось. Командир, комиссар, начальник штаба, его помощники, начальники управлений и отделов - все ушли к войскам. Оставили для связи начальника трофейного отдела. А он ничего не знает, и к тому же глуховат...

- Глуховат? Ничего, лишь бы не был слеповат. Завтра ему дело будет.

17.15. Появляется лейтенант Сидельников.

- По вашему приказанию прибыл, товарищ генерал.

- Садись. Будет для тебя задача.

- Слушаю. Какая, товарищ генерал?

- Обеспечить на завтра работой начальника трофейного отдела. - И Белобородов опять хохочет. - Погоди, садись.

17.20. Входит подполковник Докучаев, командир первого гвардейского полка. У него удлиненное лицо, армия и война смахнули мягкость с этого лица, поставили свою печать - печать энергии и суровости.

Шея забинтована. Шинель кое-где запачкана землей. Это странные пятна - кажется, будто кто-то с силой бросал в Докучаева комьями сухой, рассыпающейся глины. Брызги земли, частью размазанные, заметны и на лице. Я догадываюсь: земля была взметена миной, разорвавшейся рядом.

Поздоровавшись, Докучаев говорит:

- Очень близко вы расположились. Это нашему брату полагается так, а не вам, товарищ генерал...

Но Белобородов будто не слышит:

- Ты обедал? Людей кормил?

- Кормил. В пульроту привезли четыре термоса, а люди из одного пообедали...

- Сам-то ты поешь, поешь сперва. Власов, подполковнику обед!

- Неужели такие потери? - спрашивает Суханов.

- Нет, в батальонах не так много... Но пулеметчикам досталось... Все время на них немцы минометный огонь сосредоточивали. Черт их знает, эти мины... Скручивают пулеметный ствол в бараний рог!

Докучаеву приносят щи и полстакана водки.

- Ты поешь сначала, - повторяет Белобородов, - выпей!

Докучаев пьет. Глаза, увлажнившись, заблестели.

Он быстро проглатывает несколько ложек и произносит:

- Как меня не укокошило, черт его знает.

Никто не расспрашивает, но все ждут рассказа. Только Белобородов еще раз повторяет:

- Поешь сперва, Николай Гаврилович!

Докучаев и ест и повествует:

- Напоролись мы на эту школу. Бьет оттуда во все стороны, нет прохода... Артиллерия долбит, а огонь оттуда то ослабнет, то опять как был... Решили пустить танки. Надо идти разглядеть, что и как, чтобы танкистам задачу ставить... А он кладет, кладет по улице - разрыв на разрыве, сыплет как горохом. Пополз. Рядом сарай, ворота настежь, стоит внутри чья-то лошадь, я туда, нашел щель, присел, гляжу - оттуда школа хорошо просматривается.

Докучаев хлебнул щей. Никто не промолвил ни слова. Здесь собрались люди, сами не один раз побывавшие в огне, встречавшиеся лицом к лицу со смертью; притихнув, они слушали рассказ товарища.

Докучаев продолжал:

- И вдруг черт его знает что произошло... Так рвануло, что... В общем, я как сидел на корточках, так и остался. Но сарая не было. Сидел в сарае, а оказался на открытом месте. Мина разорвалась в нескольких метрах от меня. Лошадь, которая тут стояла, разнесло в куски. У меня портупею оторвало, сумку оторвало, шинель в трех местах прорезало и вот тут (Докучаев показывает на горло) чуть-чуть царапнуло... Бывает же...

Он пожимает плечами.

- Ну, а вы там одного-двух убили? - спрашивает Белобородов.

- У шоссе наложили много. А возьмем школу, тогда там посчитаем.

- Книжки у убитых собрали? Какая перед вами часть?

- Все СС "Империя". И один полк финнов.

- Какого же черта вы уперлись в эту школу? - с досадой говорит Белобородов.

- Не знали, что у него там столько сил. Мы с Алексеем порешили так: прорвемся здесь и скорее дальше. Завтракать в Высоково, а потом гнать до Истры. На карте все циркулем разметили - он справа, я слева. Но...

- Почему вы не исполняете приказа? - перебивает генерал. - Ведь я вам приказал: не лезьте туда, обходите, глубже обходите!

17.30. Входит подполковник Коновалов, командир второго гвардейского полка.

- Тоже хорош! - встречает его Белобородов. - Два сапога пара! Палками вас надо отодрать! Почему полезли на рожон? Почему не обходили?

- Виноват, товарищ генерал. Ошибку исправляю. Сейчас оттуда вытягиваю людей и в темноте буду обходить.

- Нет, теперь ты обходить не будешь! - властно произносит генерал. Звони в полк: остаться на прежнем месте, усилить огонь, бить по школе и по кирпичному заводу всеми огневыми средствами. И тебе, Докучаев, этот же приказ!

Докучаев встает:

- Есть, товарищ генерал. Но разрешите спросить. Мне не ясно, как понимать это изменение? Что оно значит?

- Что оно значит? - Белобородов находит взглядом меня, улыбается и весело подмигивает: - Оно значит, что главный удар по ходу дела стал вспомогательным.

- А главный? - спрашивает Докучаев.

- О главном сейчас будем толковать.

17.40. Кто-то отворяет дверь. Генерал стремительно оборачивается.

Входит начарт майор Погорелов.

- Садись, - говорит Белобородов.

Но по лицу видно: это не тот, кого он ждет.

17.45. Белобородов опять выходит на крыльцо. Стало темнее. Это последние минуты сгущающихся сумерек. Еще четверть часа - и начнется долгая декабрьская ночь. Белобородов всматривается в пустынную улицу, бормочет:

- Скоро ли они?

- Кого вы так ждете? - спрашиваю я.

- Известно кого... - сердито отвечает он.

17.50. Возвращаемся.

Собравшиеся командиры ведут негромкий разговор. О чем говорят? О войне.

- Его контузило, - неторопливо рассказывает Суханов. - Оглох, а уходить из полка не хочет. Телефоны ремонтирует, по ночам линии проверяет. Ходит, как лунатик...

Минута молчания.

- Упорно держит населенные пункты, - говорит Коновалов. - Роет норы из-под домов, и достать его там трудно. Этому искусству надо у него учиться.

Белобородов поддразнивает:

- Если бы вас туда посадить, ох и заорали бы... Справа окружают, слева окружают... Давно бы оставили Снегири...

- Мы с Кондратенко не заорали бы, - говорит Суханов.

- А сколько деревень сдали?

- Не мы одни сдавали, вся армия сдавала, - с достоинством произносит Коновалов.

- Чепуху городишь! - резко отвечает Белобородов. - Пускай армия говорит: Девятая гвардейская не сдала, зачем же нам сдавать?

- А мы с Кондратенко... - говорит Суханов.

Но Белобородов не слушает.

- Наша артиллерия сегодня как работала? - обращается он к Докучаеву.

- Хорошо, - отвечает Докучаев. - Вся школа в дырках... А все-таки в каких-то щелях сидят...

- Значит, плохо! Что же это ты, Погорелов?

Начарт встает:

- Дожимаю, товарищ генерал! Еще часа два-три - и ни одной щели там не будет! Убегут из Снегирей, кто жив останется. Ручаюсь - ночью убегут, товарищ генерал!

- А мне надо, чтобы они не убежали! - говорит Белобородов.

Опять отворяется дверь, опять генерал вскакивает.

- Наконец-то! - вырывается у него.

13

18.10. Входят комиссар дивизии Бронников и командир разведывательного батальона Родионов, на ходу протирающий очки, запотевшие с мороза.

- Скорей ты со своими окулярами, - говорит Белобородов. - Почему задержался? Из-за тебя чуть всю операцию не проворонили... - И, обращаясь к комиссару, продолжает: - А тебя куда понесло? Твое ли дело ходить с разведчиками? Узнает Военный совет про такие штуки - не помилует...

Белобородов как будто ворчит, но наружу рвется радость. Оживившиеся глаза, вспыхнувшие легким румянцем щеки, руки, что тянутся к прибывшим, усаживают, отряхивают снег, - все в нем радуется. Он рад, что прибыла наконец разведка, которую он так нетерпеливо ждал; рад, должно быть, и тому, что с разведкой ходил Бронников, ходил туда, где - я уже предугадываю - по замыслу Белобородова разыграется заключительный и решающий акт операции.

- Я вовсе с ними не ходил, - говорит Бронников, - так, случайно встретились... Добыли пленного, допросил его...

- Ну как - "язык" до голенища?

- Унтер-офицер. Две серебряные нашивки и Железный крест. Много знает, много рассказал... И как будто бы не врет...

- Это мы еще подвергнем спектральному анализу. Ну, что он разболтал? Какие силы против нас? Какие идут передвижения? - Но, не ожидая ответа, он поворачивается к Родионову: - А почему вы так задержались? - И тотчас, не дав и Родионову ответить, кричит: - Власов! Три обеда! Быстро!

Отчетливо видно, как стремительно живет Белобородов в эти минуты. Мыслям тесно, они вырываются наперегонки.

- Почему три? - спрашивает Бронников.

- Два для Родионыча. Он любитель.

На крупных губах и круглых щеках Родионова появляется довольная улыбка, он неторопливо снимает теплую шапку и подшлемник, лезет в карман за платком, чтобы обтереть лысину.

- Почему опоздал, Родионыч? - третий раз спрашивает Белобородов.

- Минные поля, товарищ генерал, ставит вдоль дорог и по лесу. Хотелось высмотреть, пока светло... А как стало не видать - ушли...

- Минные поля? Значит, уходят, уходят, подлецы!..

- А пленный, - произносит Бронников, - дал другие показания. Говорит, приказано в Рождествено и в Снегирях держаться. И подкрепления туда недавно дали.

- Врет! Не верю! По всему вижу - сматываются!

- Это точно, товарищ генерал, сматываются! - подтверждает Родионов.

Перед ним тарелка щей, он пробует и негромко бурчит:

- Холодноваты...

- Подогреть! - командует Белобородов. - Какие у тебя данные, что они уходят?

- Вывозят на машинах грузы... Вывозят связь, саперное имущество, боеприпасы, продовольствие... Две машины были с барахлом, должно быть, офицерским... Чемоданы, саквояжи, сундуки нашинские - грабленые... Мины ставит, деревни жжет - все тут одно к одному!

- А может, и не врет... - задумчиво говорит Белобородов. - Может быть, вторые эшелоны он оттягивает, а первому приказано держаться.

- Да, скорее всего, так, - соглашается Бронников.

- Расскажи-ка подробнее про этого прохвоста, который вам попался.

- Тип действительно прожженный... - говорит Бронников.

Вот что рассказал комиссар о пленном.

Его встретили в лесу. Он шел меж деревьев по опушке, неподалеку от шоссе. "Стой!" Сразу поднял руки. Он оказался мотоциклистом батальона связи, унтер-офицером, крестоносцем. На нем было три шинели (как выяснилось, добавочные шинели он снял с убитых) и сверху прорезиненный плащ. На голове - пилотка. Вооружение - наш советский пулемет-пистолет Дегтярева. ("Они это хватают, - с довольной улыбкой сказал Белобородов. Штучка получше, чем их автоматы".) Через плечо - полевая сумка с документами. Здоровый, гладкий, из отборной части. И, конечно, вшивый.

На допросе показал: служит в армии пять лет, нацист, член

партии, участник походов в Польшу, Норвегию, Голландию, Бельгию. Перед вторжением в Россию находился в частях морского десанта, предназначенного для высадки в Англии. Побывал в Минске, в Витебске, в Смоленске, под Ленинградом, был переброшен на Московский фронт, провел здесь полтора месяца и решил, что пора спасать шкуру. Заявил, что его послали на мотоциклете в Снегири для связи, он бросил машину на шоссе и пошел к русским - сдаваться. Под Москвой ему стало ясно, что дело Гитлера проиграно, а он не желает погибать под развалинами гитлеровского государства. Пленный, однако, прибавил, что, по его мнению, силой оружия разбить гитлеровскую армию нельзя, но ее можно разложить пропагандой. Предложил свои услуги...

Белобородов брезгливо поморщился.

- Успел переметнуться, - сказал он, - а то показали бы ему - можно или нельзя разбить эту шпану силой оружия? Покажем, друзья, а? - И он громко говорит, давая выход клокочущему темпераменту: - Сегодня же!

Потом быстро спрашивает Бронникова:

- А самое главное выяснил? Какие перед нами силы? Какие замыслы противника?

- Да. Все та же дивизия СС "Империя", двести пятьдесят вторая пехотная дивизия и танковая бригада численностью в тридцать - сорок машин. Передвижения таковы - грузы и тяжелое вооружение оттягивает за реку Истра, а пехоте приказано удерживать линию Снегири - Рождествено.

- Сколько у них сил в Трухаловке?

- Говорит, что там стоял полк "Фюрер", но среди дня был брошен в Рождествено и в Снегири. Сейчас там вряд ли есть что-нибудь солидное.

- Точно, товарищ комиссар, - подтверждает Родионов, - из Трухаловки они подбросили сорок шесть машин с пехотой... Мои люди подсчитали.

- А кто мне поручится, - спрашивает Белобородов, потрясая обоими стиснутыми кулаками, - кто мне поручится, что они не получили приказ отойти с наступлением темноты? Эх, упустим, Бронников, упустим! Бегом надо действовать - минута дорога! - И, обращаясь к командирам, он резко говорит: - Слушать, товарищи, задачу!

Он подходит к столу, на котором лежит оперативная карта, заранее развернутая Витевским, и склоняется над ней, опершись сильными руками на край стола. Его сосредоточенное лицо хорошо освещено. Неожиданно он усмехается и произносит:

- Любопытнейшее положение! Никакой формулы не

подгонишь!

Он оглядывается, командиры встали и придвинулись к столу, только Родионов спокойно попивает чай.

- Родионыч, ближе! - командует Белобородов. - Твой бенефис сегодня. Так вот, товарищи...

И он излагает обстановку.

Командиры первого и второго полков "проворонили", как он выражается, операцию. Вместо того чтобы совершить обходное движение, как было им приказано, они полезли в лоб, нарвались на сильное сопротивление, ввязались в драку и были на весь день задержаны. На левом крыле, где действует бригада полковника Засмолина, тоже не удалось продвинуться. Противник, сосредоточенный в Рождествено, сумел обмануть разведку, скрыв свои довольно значительные силы и основательно подготовленную оборону. Подпустив на близкое расстояние наступающий полк, отдельные подразделения которого сумели ворваться на окраины села, противник открыл неожиданный и сильный огонь, ввел в дело танки и термитные снаряды. Батальоны, еще не обстрелянные, первый раз пошедшие сегодня в бой, не выдержали и покатились из Рождествено на исходные позиции, причем часть рассеялась в лесу. Затем противнику удалось создать угрозу обхода и оттеснить этот полк еще дальше, прижав его к поселку Дедовский. Однако в Рождествено закрепились и держатся отважные люди - небольшая группа пулеметчиков. К ним пробирается подмога. Другой полк бригады начал удачно, заняв высоту 216, совхоз, пересек дорогу и приблизился к деревне Жевнево, разрезав таким образом линию Снегири - Рождествено и выйдя во фланг и в тыл обороны противника. Однако после неудачи в Рождествено, после того как началась близкая и сильная стрельба в тылу, нервы командира сдали и он, даже не испытав серьезного давления, отвел полк назад. Теперь он вновь несколько продвинулся и держит под огнем дорогу Снегири - Рождествено. Однако другая дорога, ведущая из Рождествено к Волоколамскому шоссе, дорога и на Трухаловку, остается свободной для отхода немцев. Таковы итоги дня.

"Небогато!" - определяет Белобородов.

Еще минуту он молча смотрит на карту, потом круто поворачивается к обступившим его командирам.

- Что все это значит?! - восклицает он. - Какой вывод из этого извлечь? Где искать решения?

Он обводит взглядом присутствующих, но все молчат.

- Замысел был плох? - громко вопрошает он и опять оглядывает всех. И опять все ждут, что скажет генерал. - Нет,

друзья, замысел был не плох окружить и уничтожить всю эту группировку! (Белобородов сопровождает эти слова энергичным жестом.) Но исполнение подгуляло... Да и противник не из слабеньких... Однако есть ли у нас основания отказываться от этого замысла, скомандовать "Стоп!"? Таких оснований я не вижу. Силы есть, погода подходящая, голова на плечах есть. Но надо объегорить врага: надо создать у него впечатление, что у нас голова не для того, чтобы думать, а для того, чтобы стену прошибать. Два приятеля, которые тут стоят, приложили к этому достаточно стараний. Надо создать впечатление, что мы по-прежнему лезем на рожон. Докучаеву и Коновалову приказ: возобновить огонь по школе и кирпичному заводу, пустить на полный ход все винтовки, пулеметы, минометы, демонстрировать продвижение. Чтобы у вас там все трещало! И посильней, чем утром. Погорелову бить туда же артиллерией! Долбить и долбить по Снегирям! Понятно?

- Понятно, товарищ генерал, - один за другим отвечают командиры.

- Теперь самое главное! Суханов, тебе задача! И тебе, Сидельников! Произвести глубокий обход лесом и выйти на шоссе у Трухаловки! Суханову справа, Сидельникову - слева! Давайте сюда ближе к карте! И Родионыч, двигайся сюда!

Повернувшись, Белобородов опять склоняется над картой.

- Витевский, карандаш! - лаконично требует он.

Витевский быстро подает красный карандаш, Белобородов берет не глядя; его глаза устремлены на карту. Он примеривает последний раз, чтобы отрезать. Наконец двумя взмахами руки он прорезает карту двумя красными кривыми линиями, круто огибающими Рождествено и Снегири и смыкающимися на шоссе близ Трухаловки.

- Ты, Родионыч, через лес поведешь Суханова, Сидельникову тоже дашь проводников. Сумеешь проскользнуть, чтобы ни одна душа вас не заметила?

- Это нам как щенка подковать, - отвечает Родионов.

- И помнить, - голос Белобородова гремит, - помнить, что сказал Суворов: где олень пройдет, там солдат пройдет; где солдат пройдет, там армия пройдет. Выступать через полчаса!

- Через полчаса не успеть, товарищ генерал! - говорит Суханов.

- Надо успеть! - властно отвечает Белобородов. - Звони к себе, пусть через десять минут собираются командиры батальонов, а отсюда я тебя доброшу на машине,

- Верхом вернее по такому снегу!

- Там как хочешь - хоть верхом, хоть ползком, хоть

семимильные сапоги достань, но (Белобородов смотрит на часы) к двадцати двум часам умри, а будь на месте и начинай работу. Пойми, Суханыч, упустить можем эту шпану!

- Будем, товарищ генерал, - сиплым шепотом произносит Кондратенко.

- А ты, Сидельников, успеешь?

- Если понадобится, бегом поведу, товарищ генерал.

- Вот это по мне! Встретите дозор, уничтожать по возможности без выстрела. Наткнетесь на сопротивление - не ввязывайтесь, оставить заслон и обходить! Но к двадцати двум ноль-ноль обоим быть вот здесь! - Генерал стучит пальцем по скрещению красных линий. - Задача - не дать уйти ни одному мерзавцу из Рождествено и из Снегирей. Окружить и уничтожить.

И он еще более энергично, еще более страстно показывает руками, как это сделать: окружить и уничтожить! Затем он разъясняет некоторые подробности задачи: по прибытии на место установить меж собой связь и по сигналу начать бешеную пальбу, особенно из минометов, по Снегирям, Рождествено и Трухаловке. Трухаловку пощупать; если сопротивление незначительное - овладеть! Но не в этом суть, главное - отрезать немцам пути отхода, не дать прорваться по шоссе ни одной машине, ни одному фашисту. А потом истреблять их по лесу.

- А какой будет сигнал? - спрашивает Суханов.

Белобородов на мгновение задумывается.

- Залп "раисы"! - решает он. - Погорелов, придется еще раз угостить Трухаловку. Сумеешь?

- Сделаю, товарищ генерал...

- Останься, мы с тобой это обмозгуем. Ну, товарищи, все ясно? Вопросов нет? Нет. Идите выполнять задачу! - И он повторяет фразу, которую сказал мне на крыльце: - Сделать аминь всей этой группировке!

Командиры уходят. Белобородов потягивается и говорит:

- Теперь до двадцати двух больше новостей не будет! Вздремнуть бы, да не заснешь...

Прежде чем прилечь, он берет телефонную трубку:

- Кто у телефона? Передайте командиру, чтобы утром наградные листы на пулеметчиков были у меня.

Наскоро попрощавшись с генералом, я спешу догнать Суханова и Кондратенко. Знаю: туда, к ним, перемещается сейчас самое интересное, самое важное в этом необыкновенном дне.

14

У Белобородова, после того как прибыли Бронников и Родионов, все неслось так стремительно, что я забыл посматривать на часы и снова вынул их, лишь войдя в штаб

полка.

Часы показывали восемнадцать сорок.

Штаб полка был расположен в деревушке Талица, меж станциями Гучково и Снегири, в здании кирпичного завода, в большой сводчатой печи для выжигания кирпичей. Несколько ламп, в которых горел бензин, смешанный с солью (его пламя белее и ярче керосинового), освещали эту странную резиденцию штаба.

В печи было жарко. Ее обогревала накаленная железная бочка из-под горючего с вырезанным в днище отверстием - походная "буржуйка" штаба.

Сюда уже собрались командиры батальонов, извещенные по телефону.

Я сразу узнал капитана Романова, комбата один, героя дивизии, неизменного участника самых опасных и самых славных ее дел. Среди всех одетых в шинели он один был в ватной телогрейке, туго стянутой ремнем.

И почти все другие были мне знакомы: старший лейтенант Копцов, две недели назад командир роты, заменявший теперь выбывшего комбата два; начальник штаба старший лейтенант Беличков; капитан Тураков, начальник оперативной части, не умеющий прикрикнуть, грозно приказать, но преданный полку, старательный, мягкий, милый человек. Здесь же начальник связи, командиры пешей и конной разведки, командир саперной роты.

Войдя, Суханов молча достал из полевой сумки карту, расстелил ее около лампы, почесал шею.

Кондратенко уселся на кровать, сбитую из нестроганых досок.

Собравшиеся продолжали негромко разговаривать, шутить, посмеиваться, никто ни о чем не спросил командира полка, некоторые даже не посмотрели туда, где он сидел, но во всем - даже, казалось, в самом воздухе этого низкого сводчатого помещения - чувствовалось возбуждение, напряжение, нервное ожидание.

- Вот, товарищи, задача, - негромко и неторопливо произнес Суханов.

Разговоры мгновенно оборвались. Все подошли к командиру полка.

И по-прежнему неторопливо, порой сам прерывая себя размышлениями вслух, Суханов изложил задачу.

- Пути, пути надо искать, - сказал Романов.

- Путь знакомый, - улыбаясь, ответил Тураков. - По этому лесу отходили. Теперь вперед пойдем.

- Нас Родионов поведет, - сообщил Суханов.

- С Родионовым пройдем, - уверенно сказал Романов. - Но

протащим ли обозы?

- Когда пойдем тропками, придется оставить под охраной. Минометы, боеприпасы - все возьмем на спины.

- А пушки?

- Пока здесь оставим.

- Нет, - говорит Родионов, - я свою возьму. Хоть на плечах, а потащу.

Суханов обращается к начальнику связи:

- Радио тоже придется нести на себе.

- Нельзя, товарищ подполковник. Оно смонтировано с машиной... Принимать без мотора будет, а передавать не будет.

- А сколько у нас провода?

- Восемь километров...

- Тогда радио подвезти как можно ближе, потом провод будем за собой тащить.

Следующий вопрос Суханова к командиру саперной роты:

- Миноискатели исправны?

- Так точно.

- Тогда так... Два миноискателя дайте капитану Романову - он впереди пойдет, а третий пришлите с сапером ко мне, чтобы был под рукой при штабе.

- Есть, товарищ подполковник...

- Ну-с, товарищи, приказ будет таков. Пишите, Беличков. Первый батальон подходит к северной окраине Трухаловки и по сигналу врывается в село. Только гляди, Романов, генерал приказал так: не выйдет с Трухаловкой - не очень надо, на рожон не лезь. Если не займешь, наделай побольше шуму, оттяни на себя все, что там у них имеется, и прикрывай Копцова. Копцову... Беличков, пишите...

- Пишу: второй батальон...

- Так. Второй батальон выходит лесом на Волоколамское шоссе и седлает его, не допуская отхода противника. Пункт выхода - восемьсот метров восточное Трухаловки. И, как выйдешь, Копцов, сразу связывайся с мотобатальоном, а то, сохрани бог, перестреляете друг друга. Третий батальон - резерв. На марше следовать таким порядком: разведвзвод, первый батальон, штаб полка, второй батальон, третий батальон. Все. Выступать через десять минут. Управитесь?

Не отвечая на вопрос, Романов спрашивает:

- Разрешите идти?

- Идите. Только смотри, Романов, осторожнее с минными полями...

Романов выходит первый, за ним другие.

В обжигательной печи, откуда уходит штаб, идут быстрые

сборы. Тушат огонь в железной бочке и выкатывают ее наружу, завязывают вещевые мешки, открепляют провода от полевого телефона. Беличков дописывает приказ и подает на подпись Суханову и Кондратенко, Суханов складывает и прячет карту; все выходят: гасится одна лампа, другая, наконец погашена последняя - в печи темно; штаба здесь уже нет.

По заметенной дороге, увязая в снегу, отворачивая лица от ветра, идем вдоль длинного заводского здания к шоссе.

Батальон Романова уже на месте; бойцы стоят "вольно", некоторые присели на корточки; разговоров не слышно. Из поселка, чернеющего невдалеке, появляется темная колонна и направляется сюда - это подтягиваются другие батальоны.

На правом фланге стоят разведчики. Их белые капюшоны, белые рубахи и штаны кажутся чуть синеватыми в призрачном свете снежной ночи; безмолвные, едва различимые, они похожи на взвод привидений. Здесь их осталось немного. Часть - те, что днем ходили с Родионовым, - уже отправилась вперед; всю дорогу они в качестве головного дозора и разведки будут идти на два-три километра впереди полка. Другие пойдут на некотором расстоянии по обеим сторонам и сзади, охраняя полк в походе. Эти группы уже где-то стоят по местам, невидимые среди снежной ночи.

Суханов и Кондратенко идут в голову колонны.

Здесь Родионов и его помощник, молодой, легкий на ногу нанаец Бялды.

- Ну как, Родионыч? - неопределенно спрашивает Суханов.

- Все в порядке...

Вздохнув, Суханов произносит как-то по-домашнему, совсем не начальническим тоном:

- Ну, пошли...

Тотчас раздается тихая команда:

- Смирно! За направляющим шагом марш!

И полк двинулся.

15

Кондратенко и Суханов пропускают мимо себя батальоны.

Проходят разведчики, потом темные ряды бойцов в шинелях, над ними колышутся штыки; проезжает пушка, выкрашенная в белое; невдалеке промелькнула быстрая фигура в телогрейке, туго подпоясанной ремнем, - это Романов, он и в поход не надел шинели. За батальоном следует обоз: десять - двенадцать груженых подвод, видны ящики с патронами и минами, угадываются вьюки с минометами; все это скоро будет взято на плечи; рядом с какой-то подводой идет санитарка-дружинница; на двуколке двигается кухня.

В колонне заметен просвет, затем, держа интервал, идет штаб. Впереди ряды всадников - это конная разведка. За ними с портфелем идет Беличков, дальше работники штаба, выстроенные, как и все, по четыре.

Потом опять батальоны, колонну замыкает машина, на которой смонтировано радио.

Пропустив полк, Суханов и Кондратенко нагоняют штаб, занимают места во главе и идут со всеми, почти не разговаривая.

Через четверть часа сворачиваем с шоссе на проселок.

По-прежнему несется снег, подхлестываемый ветром, заметающий тропки и дороги, но шагать нетрудно: идущий впереди батальон плотно примял снеговой покров.

Достаю компас; сейчас мы идем почти точно на север, удаляясь в сторону от немецкого узла сопротивления в Снегирях. Там продолжается бой: грохочет артиллерия, мелькают слабые вспышки орудийного огня, замутненные снеговой завесой; глухо и часто ударяют минометы; но пулеметная и ружейная стрельба не интенсивна.

Шагаем и шагаем. Когда идешь в рядах, кажется, что поток поддерживает и несет тебя. На марше каждый о чем-то думает, но мысли словно текут сами, и потом трудно вспомнить, о чем думалось.

И лишь время от времени, разглядывая на циферблате расстояние, пройденное минутной стрелкой, отмечаешь: позади километр, позади два, три с половиной... Вот и стрельба доносится глуше, вот и не видно белых зарниц, лишь самые резкие смутно доходят до нас.

Входим в деревню. Это Селиваниха, которая в один день - в последний день немецкого наступления на Москву - несколько раз переходила из рук в руки и осталась за нами. Остановка.

Деревня мертва. Меж пожарищ, занесенных снегом, но угадываемых по одиноким торчащим в небо печным трубам, стоят несгоревшие дома. Их немало, но нигде нет жилья. На месте окон везде чернеет пустота, в каждом доме на крышах и в стенах проломы с неровными, рваными краями - это прямые попадания артиллерии.

И деревья около домов убиты. Некоторые надломлены, свалены, расщеплены, иные стоят, но и у тех и у других отсечены ветки, словно содранные и унесенные бешеным вихрем.

Но вот как будто единственный целый дом. Может быть, там даже кто-нибудь живет? Иду к крыльцу, прокладывая тропку в глубоком снегу, открываю неповрежденную дверь, вхожу и вдруг вижу снежную даль, деревню, нашу колонну на дороге. Это так странно - видеть, словно в раме, зиму сквозь избу. Секунду спустя

понимаю: противоположная стена снесена, другие уцелели.

Колонна двинулась. Догоняю, занимаю свое место. Рядом с Сухановым и Кондратенко идет кто-то в белой одежде разведчика. Узнаю его - это помощник Родионова, нанаец Бялды. Здороваюсь, спрашиваю:

- Много ли за войну убили немцев?

- Мало, - отвечает он.

- Сколько?

- Восемьдесят шесть.

- Не может быть? Вот так мало!

Бялды поведет второй батальон, когда колонна разделится побатальонно.

Вошли в лес. Идем узкой просекой. Сосны, словно наклоняясь над нами, смыкаются вверху. Кондратенко сверяется с компасом, я опять достаю свой мы повернули на запад и пересекаем, а может быть, уже пересекли линию фронта, не отмеченную здесь ничем, даже и не существующую в виде какой-либо материальной линии - окопов или проволочных заграждений.

Полк идет и идет, описывая дугу, начерченную Белобородовым на карте. Обозы двигаются с нами. В лесу незаметен ветер, выступы снега по краям дороги, которую прокладывает колонна, не так высоки, как в поле. Главный очаг боя, где сосредоточиваются звуки частых и сильных разрывов, остался сбоку и даже как будто немного позади.

Полк двигается длинной цепочкой, растянувшейся, вероятно, на километр.

Ко мне подходит Тураков:

- Хотите сесть верхом? Есть свободный конь.

Я отказываюсь.

Тураков идет вперед, и через минуту мне видно, как он не совсем ловко взбирается на большого белого коня, смутно вырисовывающегося на темном фоне неба.

Мы шагаем, я ни о чем не думаю, впереди двигаются конники, и вдруг...

Бах! Сильный близкий удар, белый взблеск огня. Все остановились, инстинктивно пригнувшись и присев. Метнулась какая-то лошадь. И снова бах! - удар и огонь! Слышится стон, затем негромкие крики: "Санитара!"

Что такое? Неужели нас заметили и начали бить из миномета. Неужели просека пристреляна?

Но сразу выясняется иное. Какая-то повозка, уклонившись в сторону от проложенной узкой колеи, попала на мину, скрытую под снегом. На другую наступила метнувшаяся в испуге лошадь.

Суханов и Кондратенко идут к месту взрыва. Это в двух

десятках шагов от нас.

Я вижу раненого. Он сидит на снегу, уже сняв шинель, гимнастерку и быстро стягивая через голову нижнюю рубаху, на которой проступило большое темное пятно. Около него санитар. Я слышу голос раненого:

- Спокойно! Не волнуйся! Быстрее, быстрее действуй...

Как странно, раненый говорит санитару: "Не волнуйся!"

От взрыва на снег легла черная, словно угольная, пыль. В кустах, в стороне от протоптанной нами дороги, неподвижно лежат две лошади с задранными прямыми ногами. Ни один след не ведет туда - лошадей не протащило, а забросило в кусты.

Неподалеку кто-то стонет. Подхожу. На снегу навзничь лежит человек. Капитан Тураков!

- Ноги, ноги, - выговаривает он,

Санитар ощупывает бедро, колени, икры.

- Капитан Тураков, вы не ранены. Вас только оглушило.

Но Тураков повторяет:

- Ноги...

Санитар стягивает с него валенок. Нога обвернута черной суконной портянкой.

- Посмотри, пробито? - тихо говорит он, протягивая мне валенок.

Я провожу пальцами по заснеженной подошве, сразу нащупываю дырку, потом другую, побольше.

На дороге, среди остановившихся рядов, совещаются Суханов, Кондратенко, Романов, Родионов.

Почему взорвалась мина там, где прошел целый батальон? По всей вероятности, здесь поставлены не противопехотные, а противотанковые мины. Они выдерживают тяжесть человека, но рвутся под лошадью или повозкой. Так или иначе, обоз нельзя тащить дальше. Надо здесь же все брать на плечи.

- Разрешите действовать? - спрашивает Романов.

- Можно, - отвечает Суханов.

Первый батальон удивительно быстро разгружает свой обоз. Вьюки и ящики передаются из рук в руки, бойцы прилаживают их на плечи и отходят, становясь в ряды; все это делается почти бесшумно, лишь изредка раздается незлая ругань, но и та вполголоса.

Проходит всего восемь - десять минут, и батальон двинулся, оставив пустые повозки с ездовыми.

Но другие батальоны задерживаются. Проходит еще четверть часа первый батальон уже скрылся в лесу, - пока не раздается команда: "Марш!"

Мы обтекаем повозки, которые все еще стоят среди просеки,

невольно прижимаясь поближе к колесам и к лошадям, туда, где уже хожено, чтобы вдруг не наступить на мину.

Миновав обоз, полк двигается дальше.

Впереди идет сапер в наушниках, держа в руках миноискатель - длинную металлическую трубку с проволочной дугой на конце. Этой дугой он водит перед собой по снегу. Следом шагает Бялды.

С миноискателем нельзя идти быстро, мы двигаемся неполным шагом. А время истекает.

Кондратенко смотрит на часы - уже двадцать один десять. А срок прибытия - двадцать два.

Он нагоняет Бялды и шепчет:

- Далеко еще?

- Нет, полтора километра, - отвечает Бялды.

Ему тоже хочется скорее, он протягивает руку к миноискателю:

- Дай мне.

Но сапер отстраняет его.

Через несколько минут Бялды тихо командует:

- Стой!

Останавливаемся. Здесь надо свернуть в гущу леса, где не заметно никакого просвета, никакой тропы, чтобы выйти к шоссе левее ушедшего вперед батальона.

Бялды и сапер первые ступают в нетронутый снег, ведя за собой колонну.

Сосны и ели растут здесь не густо, кое-где попадаются небольшие полянки. Мы теперь двигаемся почти прямо на юг, заканчивая полуокружность, вычерченную на снегу нашими ногами в трехчасовом походе.

Чувствуется, что уже близка опушка. Звуки боя опять стали явственнее; они доносятся со стороны, откуда мы пришли; мы обогнули их.

Кондратенко подходит к Бялды:

- Сколько еще?

- Полкилометра. Теперь больше не сворачивать - прямо.

Кондратенко смотрит на часы. Осталось тридцать пять минут - успеем! Но ему не верится. Для проверки он смотрит на часы Бялды. Правильно, успеем!

Бялды бегом нагоняет сапера. Как легко он бежит по снегу!

И вдруг снова сверкнувшее белое пламя и близкий страшный удар, от которого отшатываешься. Рассеиваются дым и взметнувшаяся пыль. Но где же Бялды? Стоим мы; в пятнадцати - двадцати шагах застыл, обернувшись, сапер с миноискателем; на снег оседает черная копоть, а Бялды нет.

В стороне от нашего пути лежит недвижное темное тело, заброшенное туда взрывом. Что-то, кажется, валенок, закинуто еще дальше. К телу, осторожно ступая по снегу, идет санитар.

- Куда? Назад! - кричит Суханов.

Но поздно. Опять белый сверк, опять взрыв. Кого-то рядом ударяет комок земли, опять рассеиваются дым и пыль, но уже нет и санитара. Сапер, водя миноискателем по снегу, шагает к Бялды. По следам идут санитары.

Колонна стоит. Сапер, возвращаясь, подходит к Суханову и Кондратенко.

- Как ты проморгал? - спрашивает Суханов.

- Не знаю... Наверное, было глубоко под снегом. Через снег этот миноискатель плохо берет...

- А он у тебя действует? Дай-ка... - требовательно шепчет Кондратенко.

Он надевает наушники, берет металлическую трубку с диском на конце и приказывает саперу:

- Подставь штык!

Сняв винтовку с плеча, сапер опускает ее штыком вниз. Кондратенко водит диском вдоль штыка и вдруг жестоко ругается. У него сорван голос, слова едва слышны, но кажется, что он кричит. Обнаружилось, что миноискатель не работает. В исправном состоянии он, приближаясь к металлу, немедленно сигнализирует об этом резким, пронзительным звуком в наушниках. Сейчас, при проверке, звука не было.

Сапер растерян, он снимает крышку диска, пытается карманным ножом отвернуть какой-то винт, нож срывается; у сапера нет других инструментов, он не удерживает ругательства.

Кондратенко и Суханов смотрят на него.

- Придется послать человека к Романову за другим миноискателем, говорит Суханов.

Кондратенко молчит.

- Передать по цепи: начальника связи ко мне! - приказывает Суханов.

Слышны удаляющиеся голоса: "Начальника связи к командиру..."

Колонна стоит; никто не двигается, не выходит из рядов; каждому страшно сойти с места; разговоров не слышно, чувствуется общая подавленность.

- Зачем тебе начальник связи? - спрашивает Кондратенко.

- Дать радио генералу, что попали на минное поле, опоздаем на час-полтора.

- Нет! - твердо произносит Кондратенко.

Зачем-то туже обвернув шарф вокруг охрипшего горла, он

идет, не оборачиваясь, вперед. Секунда колебания... Потом, отставая на несколько шагов, за комиссаром следует начальник штаба Беличков, спокойно помахивая портфелем. За ними идут другие, стараясь ступать в следы.

Есть, очевидно, правда в поговорке: "Смелого пуля - или в данном случае мина - не берет".

Кондратенко шел без миноискателя по минному полю, шел быстро, легко, напрямик, и под ним не взрывалась мина.

Я оглянулся и сначала не увидел людей. Показалось, что сзади идет только один человек. Но сразу понял: люди шли гуськом, вытянувшись длинной и изумительно прямой, словно туго натянутой цепочкой. Вероятно, ни на одном учении они не шли так точно в затылок друг другу, как здесь, в подмосковном лесу, среди скрытых где-то под снегом мин, следуя за комиссаром.

Чувствуется близость шоссе. Кажется, где-то невдалеке проходят машины. Или, быть может, это только чудится. Нет, мы действительно дошли.

На опушку, с которой в семидесяти - восьмидесяти метрах виднелось шоссе, второй и третий батальоны прибыли за десять минут до срока.

16

И все-таки мы опоздали!

По шоссе уходила колонна немецких машин. Уходила на запад. На некоторых были грузы, на других - люди с винтовками и автоматами.

Белобородов был прав: немцы отступали, немцы ускользали под прикрытием ночи.

Они именно ускользнули у нас из-под носа. Батальоны не успели развернуться, пулеметчики и минометчики на изготовились.

На востоке, там, где остались обойденные нами Снегири, и на юго-востоке, где, судя по большому зареву, полыхало Рождествено, все еще продолжался бой. Там все еще без устали колотила наша артиллерия, оттуда доносилась пулеметная, ружейная и минометная стрельба.

Там, очевидно, остался немецкий заслон, но часть сил, и быть может главная, все-таки ушла.

Суханов говорит связисту:

- Передай Копцову, чтобы седлал...

И он внезапно умолкает, не договорив.

С запада, с той стороны, где скрылись немецкие машины, неожиданно подымается стрельба. И близко, вероятно всего в полукилометре. Бьют восемь или девять пулеметов, бьют

винтовки, а вот и первые удары минометов. Сквозь ночь видны вспышки рвущихся мин. Слышен близкий орудийный выстрел.

Глухо бухает романовская пушка, бьют и бьют пулеметы, на шоссе вдруг взметывается пламя. Тотчас рядом появляется другой всплеск огня, третий... четвертый... Это горят немецкие машины, подожженные нашими гранатами. Немцам нет ходу вперед: шоссе оседлано первым батальоном.

К нам приближается трескотня немецких автоматов. Еще минута - и нам смутно видны темные фигуры немцев. Их много; отстреливаясь, они медленно отходят; кое-кто падает; слышится команда на немецком языке, и противник цепью залегает в снег, продолжая стрельбу. Пригнувшись, подбегают отставшие и тоже ложатся. Некоторые подползают, вероятно, раненые.

С опушки, где притаились гвардейцы, видны черные полоски, густо рассыпанные на свежем снегу. Это линия немецкого огня. Огонь ясно виден; немецкая цепь очерчена короткими частыми вспышками, вылетающими из стволов при каждом выстреле. Первый батальон бьет по цепи из минометов, мины глухо рвутся, разметывая снег. Немецкие минометы еще не действуют, но за цепью в придорожной канаве возится небольшая группка, что-то устанавливая. К цепи подбегают еще люди; сюда, где противник быстро создал линию обороны, стекаются, наверное, и обозники и шоферы; они тоже ложатся в снег.

Гвардейцы прицелились, но все еще нет команды.

И вдруг Суханов кричит во всю силу голоса:

- Огонь!

Прогремел залп. И тотчас защелкали выстрелы, застрочили пулеметы и ударила батарея минометов.

Несколько темных фигур поднялись и бросились к шоссе. За ними побежали другие. Некоторые вскакивали и валились в снег. Многие вовсе не встали; они лежали, как прежде, но огоньки, вылетающие при выстрелах, возле них уже не вспыхивали.

Опять раздалась команда на немецком языке. Офицер яростно что-то кричал. Он поднялся, размахивая револьвером, но тотчас его крик прервался, как подсеченный. Офицер упал, пронзенный, вероятно, сразу несколькими пулями. По бегущим немцам стреляли все, даже писаря и штабной кашевар.

- Ну-ка, три белых осветительных ракеты! - приказал кому-то Суханов.

Тотчас в небо взвились три белые линии и, рассыпавшись искрами, превратились в медленно опускавшиеся и все разгоравшиеся белые звезды.

Сразу стало светлее, отчетливее обозначились фигуры бегущих немцев. Под нашим огнем они падали и падали в снег.

Но часть скрылась за возвышением шоссе.

И вдруг из-за леса по ту сторону шоссе, несколько наискосок от нас, вспыхнули три зеленые ракеты.

- Сидельников! - улыбаясь, сказал Суханов. - Наверное, бегом бежит...

К нему подошел боец:

- Товарищ подполковник, капитан Романов просит вас к телефону.

- Уже протянули связь? И с генералом можно говорить?

- Точно, товарищ подполковник.

- И землянку соорудили?

- Две, товарищ подполковник.

- Пошли, Кондратенко, - как-то по-домашнему сказал Суханов. Он почесал шею и добавил: - Беличков, передайте Копцову, чтоб собрал своих людей и оседлал шоссе. Задача - не пропустить тут ни одного фрица из тех, что там остались.

Таков был маленький кусочек боя, который мне довелось увидеть.

Через три минуты я сидел в только что вырытом блиндаже, крытом свежим сосновым накатом, на полу, густо устланном хвоей. В печке, вырезанной прямо в земле, пылал сухостой. На раздвижном походном табурете стоял полевой телефон. Отсюда уже протянулись провода во все батальоны и к Белобородову.

Капитан Романов просил сообщить генералу, чтобы залп артиллерии по Трухаловке был отменен, потому что первый батальон сейчас ворвется туда.

- Обождите, Романов, что скажет генерал, - приказал подполковник.

Не кладя трубку, он вызвал генерала и доложил о выполнении задачи. Ему хотелось все изобразить пообстоятельнее, но, очевидно подгоняемый Белобородовым, прерывая рассказ, он быстро и коротко отвечал на вопросы. Закончив разговор, сказал:

- Все ему скорей, скорей... Генерал-"бегом"! А рад!

Он вызвал Романова:

- Разрешено... Действуйте!

Среди ночи Суханов получил новый приказ генерала: с рассветом двигаться на Истру.

Опять Суханов рассматривал карту, диктовал приказ; Беличков записывал, редактируя на ходу; Кондратенко сидел молча, у него совсем пропал голос, он подписал, и связные понесли приказ в батальоны.

Наутро, часов в восемь, когда уже было светло, штаб полка, покинув блиндаж, вышел на шоссе. Батальоны уже ушли на запад.

Романов час назад занял Высоково.

На шоссе стоял знакомый штабной автобус. Он остановился перед полусожженным деревянным мостиком, еще не восстановленным саперами.

Я увидел Белобородова. Невысокий, в темно-серой ладно перепоясанной шинели, по-прежнему без генеральских звезд, он быстро шел на запад. За ним двигались работники штаба.

Обойдя мост и с поразительной для его плотной фигуры легкостью перебежав через ров, он оглянулся на отставших:

- Плететесь, как старики! Бегать разучились! Вот закачу я вам по утрам зарядочку! Бегом!

И пошел дальше широким, быстрым шагом.

17

Некоторое время спустя я прочел в газетах Указ Президиума Верховного Совета о награждении орденами начальствующего состава Красной Армии. Среди прославленных имен генералов Белова, Болдина, Говорова, Лелюшенко, Рокоссовского, среди фамилий других героев великой битвы под Москвой значилось имя генерал-майора Афанасия Павлантьевича Белобородова.

Декабрь 1941 г.

КОММЕНТАРИИ:

День командира дивизии

Впервые - отдельным изданием (в сокращении) под заглавием "Восьмое декабря", со снятым впоследствии подзаголовком "Хроника одного дня", М. Л., Детгиз, 1943.

Очерк, или "своего рода корреспондентский отчет" ("Страницы жизни"), написан в течение декабря 1942 года. "Переписал, вычитал и поставил "конец". Уф! Ну, и зверская была работа, - сообщает Бек в открытке к Л. П. Тоом 7 января 1943 года. - За 25 дней написал около 5 листов. И при этом, ей-богу, не плохо. Быть может, даже не хуже "выношенных" вещей. Я очень, очень рад, что могу, оказывается, писать быстро. Ох, как это надо во время войны..." (Архив Бека).

Примечателен следующий рассказанный Беком эпизод из истории этого очерка: "...Возникали сомнения: не так якобы командовал Белобородов, не мог он дать такую команду, и эту, и эту... В общем, я рискнул поехать к Белобородову с очерком. Тот просмотрел, а потом велел принести печать дивизии и написал: "Все правильно, так командовал, как здесь написано" - и печать приложил" (А. Б е к. Шоссе документалиста. - "Журналист", 1967, No 2, с. 13).

В 1961 году очерк в восстановленной авторской редакции, без сокращений вошел в сб. "Несколько дней" под новым заглавием "День командира дивизии" и с подзаголовком, в дальнейших

переизданиях снятым, "Из записной книжки военного корреспондента".

Т. Бек